

上田秋成

УЭДА
АКИНАРИ

ЛУНА
В ТУМАНЕ

上田秋成

上田秋成

В настоящем издании (впервые после 1961 года!) воспроизводится полный текст знаменитого сборника фантастических новелл Уэда Акинари (1734–1809) «Угэцу моногатари» («Луна в тумане»), созданного в 1768 году. Увлекательный сюжет, безукоризненный стиль автора произведения, прозаическая часть которого была блестяще переведена З. Рахимом и А. Стругацким, а стихотворная — В. Марковой, предопределяют восприятие «Луны в тумане» самым широким кругом читателей.

Примечательной особенностью данной книги также являются (впервые!) воспроизводимые гравюры оригинального издания 1776 года.

- [Уэда Акинари. Луна в тумане. Фантастические новеллы](#)

-
- [Предисловие\[1\]](#)
- [От автора](#)
- [Круча Сираминэ](#)
- [Встреча в праздник хризантем](#)
- [Ночлег в камышах](#)
- [Перевоплощение во сне](#)
- [Буппосо](#)
- [Котел храма Кибицу](#)
- [Распутство змеи](#)
- [Голубой колпак](#)
- [Рассуждение о бедности и богатстве](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
-

Уэда Акинари. Луна в тумане. Фантастические
новеллы

В Японии весна — пора туманов и дождей. Сквозь густую дымку еле виден бледный круг луны. В ее тусклом свете ночью все выглядит смутным, таинственным. В памяти невольно оживает мир старых сказок и легенд.

Уже само название книги фантастических новелл японского писателя Уэда Акинари (1734–1809) «Угэцу моногатари» («Луна в тумане») настраивает на особый лад. Оно рисует условный романтический пейзаж:

...Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей.^[2]

Заглавие «Луна в тумане» содержит в себе поэтический образ, который как бы подсказывает японскому читателю, что в книге речь будет идти о таинственном и необычайном.

Новеллы сборника «Угэцу моногатари» — замечательный памятник японской художественной прозы.

Книга Уэда Акинари вобрала в себя богатый опыт литератур Японии и Китая, вдохнув новую жизнь в сказочно-фантастические образы, созданные народным воображением. В ней с большой силой выражено самосознание нового человека Японии XVIII века.

Мировая литература знает немало случаев, когда новая общественная мысль облекалась в сказочные образы. Можно вспомнить философские сказки Вольтера, «Путешествия Гулливера» Свифта, «Сказку о Золотом петушке» Пушкина. Пленительная красота пушкинской сказки радует всех от мала до велика, но в ней таится сокровенный смысл.

Перевод памятника зарубежной литературы напоминает пересадку растения в другую почву. Растение бережно пересаживают вместе со всеми его корнями, к которым еще прилипли комья родной земли.

Для того чтобы идейно-художественное содержание фантастических новелл «Угэцу моногатари» раскрылось во всей его полноте, надо знать, в какую эпоху жил их автор, какое литературное наследство он принял, что отвергал, чему следовал, а главное, что он хотел сказать своим современникам.

Художественная проза феодальной Японии знала две эпохи расцвета: куртуазный роман X–XII веков и бюргерский роман XVII–XIX веков.

Куртуазный роман возник в среде придворной аристократии и, достигнув непревзойденных высот, погиб в огне феодальных междуусобиц вместе с вскормившей его утонченной хэйанской культурой. Преемственное развитие японского романа было прервано, но влияние его классических образцов на всю последующую литературу страны осталось огромным.

Куртуазный роман взял очень многое, особенно в период своего становления, из

сокровищницы народных сказок и легенд не только Японии, но и Китая, и далекой Индии. Даже в таком высокоразвитом, написанном в реалистической манере романе, как «Повесть о принце Гэндзи»,^[3] заметны следы народных верований. Ревнивая возлюбленная принца Гэндзи во сне преследует и губит своих соперниц. Душа ее отделяется от тела и свободно странствует, как душа Катерины в «Страшной мести» Гоголя. В «Повести о принце Гэндзи» дан тончайший психологический анализ душевного состояния женщины, сознание которой как бы раздваивается: наяву она напрасно ищет в себе следы демонической злобы, а засыпая, теряет власть над собой. Народные поверья о «порче» и одержимости злыми силами восходят к глубокой старине, но метод психологического анализа, примененный в романе, был совершенно новым.

Презирая простой народ, образованные аристократы не могли все же остаться полностью равнодушными к его творчеству. От XI и XIII веков сохранились сборники записей народных сказок, легенд и поверий. Японские писатели обращаются к этим сборникам вплоть до наших дней в поисках сюжетов для своих произведений.

В средние века на смену романистам пришли бродячие певцы. Под звуки японской цитры-бива монахи-слепцы повествовали о грандиозных битвах, о гибели могучих родов. Появились и записи рыцарского эпоса, обработанные монастырскими книжниками, с обязательным нравоучением о тщете всего земного.

Сюжет первой из новелл сборника «Угэцу моногатари» — «Круча Сираминэ» — взят из старинного эпического сказания о мятеже в годы Хогэн и обработан в духе пьесы средневекового театра «Но». Призрак мятежного экс-императора Сутоку рассказывает поэту-скитальцу Сайге повесть своих бед. Все более разгораясь от злобы, он превращается в демона и предрекает гибель своим врагам. Такое превращение было кульминационным пунктом многих пьес театра «Но» (так называемых «демонических» — «сюрамоно»). Уэда Акинари умело воспроизвел в этой и других новеллах своего сборника мрачную, пронизанную кровавым отсветом атмосферу средневековья.

Бюргерский роман возник в XVII веке. На смену устному сказу пришло чтение книг, хотя талантливые рассказчики по-прежнему продолжали собирать многочисленную публику. Их искусство остается живым и поныне. Они умели и насмешить до слез, и пустить сатирическую стрелу по адресу властей предрержащих, а порой, как говорит Гоголь об украинских рассказчиках,^[4] «такие выкапывал[и] страшные истории, что волосы ходили по голове».

Читающей публики становилось все больше. Образованные самураи (представители правящего воинского сословия) читали классиков древности, книги по истории и философии, но законодателем литературной моды стал простой горожанин.

Бюргерский роман рождался из бытового рассказа, популярной пьесы, поэзии, легенды. Новелла предшествовала большому роману. Старое искусство было утеряно: надо было сызнова учиться мастерству композиции, умению развертывать сюжет. Новеллы складывались в циклы, — например, повести о необычайной любви. Их, словно старинные монеты, нанизывали на один шнур, но каждая имела цену и сама по себе.

Во второй половине XVII века появились так называемые «повести из современной жизни» (укиё-дзоси). Горожан стали интересовать собственные судьбы, они приглядывались к действительности, сами хотели стать литературными героями.

Романисты, драматурги, поэты словно вдруг обрели остроту зрения: они учились видеть жизнь по-новому в ее неповторимых характерных подробностях.

Величайший из писателей феодальной Японии Ихара Сайкаку (1642–1693) тоже шел от конкретного к общему. В его новеллах толчется толпа людей, как на ярмарке; одна ситуация сменяет другую с калейдоскопической быстротой. Он торопится писать: образы людей его

эпохи властно требуют своего воплощения. Ихара Сайкаку увидел пафос обыденности. Во многих его новеллах авторская речь заслоняет фабулу. Это, видимо, не нравилось читателям, и преемники Сайкаку стали выдвигать на первый план занимательный сюжет; их новеллы композиционно более совершенны.

Наибольшей славой в начале XVIII века пользовался писатель Эдзима Кисэки (1663–1736), работавший для крупнейшего издательства того времени «Хатимондзия». «Хатимондзия» держало в своих руках книжный рынок и создало свой тип популярной книги. Это издательство диктовало писателям свои вкусы, требуя от них прежде всего ходкую книгу; для него работали лучшие писатели и иллюстраторы того времени. Не обладая талантом Сайкаку, Эдзима Кисэки все же создал новый жанр бытовой повести: так называемое «катагимono» — «повесть о характерах», в которой он старался схватить ту общность манеры поведения, которая роднит между собой людей одной профессии, например актеров. Писательская манера Кисэки оказала большое влияние на японский роман того времени.

Уэда Акинари еще не мог преодолеть влияние Кисэки в своих первых сборниках новелл: «Бывалая обезьяна, не пропускающая ничего мимо своих ушей» (1766) и «Нравы бывалых содержанок» (1767).

Он сам писал об этих своих книгах: «С манерой Кисэки трудно расстаться... Иногда попадают радующие душу места, но — увы! увы! — и они тоже не более чем отстой на дне бочки «Хатимондзия» (из предисловия к «Нравам бывалых содержанок»).

Несмотря на это горькое признание, сделанное, вероятно, не из одной скромности, надо сказать, что уже в первых своих книгах Уэда Акинари показал себя мастером короткого рассказа. Творческая активность его, однажды проснувшись, была очень велика. За три года он создал три сборника новелл, не считая незавершенных замыслов. Писатель был требователен к себе; он публиковал далеко не все, что писал.

И самое любопытное: едва закончив свою вторую книгу «Нравы бывалых содержанок», написанную в традиционном духе, Уэда Акинари создал знаменитый сборник фантастических новелл «Угэцу моногатари» (1768). В творчестве его совершился резкий поворот. Писатель искал себя и нашел в больших исторических темах; он прикоснулся к родникам народного творчества. В своей новой книге Уэда Акинари смог рассказать своим современникам о ценности и свободе личности в условиях феодального общества, о сущности феодальной морали, о подлинном и мнимом долге человека.

Уэда Акинари говорит в предисловии к «Угэцу моногатари»:

«Настоящее можно узреть в глубокой древности. Я тоже знаю несколько столь же легкомысленных историй, и мне удалось кое-как изложить их ^[5] Одни из них печальны, словно крик бесприютного птенца, другие ужасны, словно битва драконов, и бывало так, что сам я, сжимая в пальцах кисть, не мог совладать с печалью и страхом».

Сборник «Угэцу моногатари» появился ровно за столетие до буржуазной революции Мэйдзи 1868 года, но с самых его первых страниц уже чувствуется, что он родился в предгрозовой атмосфере. Его герои не только вспоминают о старых мятежах, но и предрекают новые. Фантастический сюжет давал возможность говорить иносказательно:

Сказка ложь, да в ней намек!

Добрым молодцам урок.^[6]

Во второй половине XVIII века третьему сословию в Японии было так же тесно в рамках феодального общества, как растущему не по дням, а по часам молодому Гвидону внутри заколоченной наглухо бочки. Пора было выбить дно и выйти на свободу.

Страной правили феодалы, во главе которых стоял княжеский дом Токугава. Верховный правитель носил титул сегуна. Императоры старой династии были фактически отстранены от власти и жили в почетном заточении. В первой половине XVII века Япония была с охранительной целью «закрыта» для внешних сношений, а японские купцы лишены права свободно торговать с другими странами. Суда их могли плавать только вдоль берегов собственной страны. Был запрещен ввоз европейских книг. Изоляция от внешнего мира была настолько полной, что рыбаков, случайно унесенных бурей к чужим берегам, не принимали обратно на родину. Система сыска и надзора превратила Японию в большую тюрьму. Но никакие самые строгие меры правительства не могли предотвратить крах феодализма и подавить растущую оппозицию.

Распадалось натуральное хозяйство, которое официально считалось основой экономики страны. Феодалы получали доходы в виде риса и продавали его через посредников, обращая в деньги.

Одна из новелл в сборнике «Угэцу моногатари» называется «Рассуждение о бедности и богатстве». Она стоит особняком от остальных. В ней появляется Дух золота и беседует с самураем-скрягой, осознавшим силу денег: «...даже самым лучшим мечом не отбиться от тысячи врагов, а силой золота можно покорить весь мир... Воин должен постоянно копить золото». Этот самурай по существу и по духу был уже настоящим представителем торговоростовщической буржуазии. Такая трансформация бывших самураев была типическим явлением в эпоху Уэда Акинари. Знаменательно и то, что писатель в своей книге задумывается о силе денег в современном обществе.

Крепнущая буржуазия все яснее осознавала несоответствие между политическим устройством Японии и подлинной расстановкой сил в стране. Началось брожение умов.

Городские низы и крестьяне часто переходили от слов к делу. В разных концах страны вспыхивали беспорядки и восстания. Правительство не скупилось на репрессии: за подачу петиции о снижении податей деревенского старосту Сакура Согоро распяли на кресте, а его детей казнили у него на глазах. Народная мечта о справедливости породила легенду о том, что призрак распятого Сакура Согоро преследовал его мучителей.

Токугавские правители провозгласили официальной доктриной неоконфуцианство, то есть учение великого китайского ученого древности Конфуция (551–479 гг. до н. э.), специально препарированное поздними комментаторами. Конфуцианство в таком виде служило тормозом свободной мысли и прогресса, проповедуя «сыновнее почтение», то есть безусловное повиновение старшему: отцу — в семье, правителю — в стране. Для пропаганды конфуцианского учения правительство содержало штат ученых—«знатоков китайского учения».

Оппозиционно настроенные ученые обратились к изучению литературы, религии, истории и языка древней Японии. Они внесли большой вклад в японское литературоведение, заново прочитав и объяснив забытые памятники VIII века: «Запись древних дел» («Кодзики») и поэтическую антологию «Манъёсю». К таким ученым принадлежал и Уэда Акинари. В новеллах «Угэцу моногатари» не раз встречаются поэтические образы и стилистические приемы, заимствованные из древних японских литературных памятников.

Уэда Акинари был в раннем детстве усыновлен состоятельным купцом города Осака. Мальчик перенес тяжелую болезнь и, вместо того чтобы проходить обычный курс наук, пристрастился к чтению. Круг интересов будущего писателя был очень широк. Он изучал не только отечественных, но и китайских классиков, был знатоком поэзии разных жанров. И, кроме того, читал во множестве современные романы, японские и китайские, — занятие, которым правоверные ученые того времени пренебрегали, считая, что такие романы могут читать только малообразованные люди.

Уэда Акинари было уже больше тридцати лет, когда он вступил на поприще писателя, выпустив в свет свои первые два сборника бытовых рассказов, но, как уже указывалось, остался недоволен их мелкотемьем. Узкие рамки бытовой повести стесняли его воображение.

В конце сороковых годов в Осака, родном городе писателя, вошли в моду сборники рассказов нового жанра, получившего название «ёмихон», то есть «книги для чтения», в отличие от «эхон», то есть «книги с картинками». В «книге с картинками» текст играл подчиненную роль, главным были занимательные картинки, как в современных «комиксах». Романтические и авантюрные новеллы жанра «книги для чтения» возникли под влиянием китайской народной литературы.

Китайский народ, лишенный в старину возможности приобщиться к письменности, любил слушать устных рассказчиков, которые увлекательно повествовали о том, что им удалось услышать «на рынках и у колодцев». Со временем появились краткие записи этих рассказов на живом китайском языке того времени (так называемый жанр «хуабэнь»). Возникли художественные обработки таких записей, например «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь-гу цигуань», XVII в.).

Эти рассказы увлекали читателей не только потому, что они были занимательны. В них нашли свое воплощение народные мечты о торжестве справедливости, о красоте любви и подвига. Действительность в них была той особой конкретной поэтической действительностью, в которой, по выражению Белинского,^[7] народно-фантастическое сливается с народно-действительным.

Перевод таких сборников на японский язык явился большим событием в истории японской литературы. Появились подражания и переделки, а затем и самостоятельные произведения, возникшие под влиянием китайского искусства. В 1749 году вышел сборник новелл «Гроздь цветов» («Ханабуса дзоси») талантливого писателя Кинро Гёдзя.^[8] Новый жанр «книг для чтения» быстро вошел в моду и завоевал большую популярность. Есть сведения, что Уэда Акинари был знаком с основоположником этого жанра Кинро Гёдзя и изучал под его руководством книги китайских народных рассказов.

Китайские рассказы дали толчок творческому воображению Уэда Акинари. Он заимствовал из них сюжеты некоторых своих новелл. Сюжеты других, например замечательной новеллы «Голубой колпак», взяты из народных японских легенд, но не прямо из устных рассказов, а из повествовательной литературы того времени. Японские исследователи установили первоисточники каждой из новелл писателя, но в конце концов происхождение сюжета — это вопрос второстепенный.

Герои новелл Уэда Акинари отличаются своим ярко выраженным национальным характером, с присущими ему исторически возникшими особенностями. Некоторые из героев воплощают в себе конкретные образы японской истории. Один из китайских рассказов повествовал о верной дружбе между купцом и крестьянином. Японская новелла «Встреча в праздник хризантем» на тот же сюжет избрала своими героями ученого и воина. И такая замена не случайна. В новелле японского писателя сюжет повернут по-новому, потому что новой стала движущая идея рассказа.

Самурай Акана находится в строгом заточении в замке, где его по приказу господина сторожит родной племянник Тандзи. Тандзи формально выполняет свой долг в его феодальном понимании: послушание господину превыше всего. Но правота его оказывается мнимой: он должен был отпустить узника, ибо высший долг человека — это гуманность. Узник покупает свободу ценой жизни. Уэда Акинари устанавливает иные, не феодальные, критерии добра и зла. В его новелле звучит пафос тоски по свободе, недостижимой в ту эпоху.

В первой новелле сборника, «Круча Сираминэ» (одной из самых глубоких по мысли), появляется призрак императора Сутоку — персонификация мрачных сил средневековья. Жажда мести, жажда славы и власти не угасает в императоре и после смерти, ради них он готов повернуть ход истории, развязав кровавую междуусобицу.

В этой новелле есть места, в которых угадываются намеки на самую жгучую современность. «Настоящее можно узреть в глубокой древности» (из предисловия к книге).

Сутоку выдвигает следующий довод в духе философии Мэн-цзы:

«...если правитель сошел с пути справедливости, то его следует наказать, и это будет отвечать велению Неба и желанию народа... нельзя назвать преступником человека, который пытался свергнуть куриное правление».

«Куриное правление» и далее, в последней новелле, «лягушка, обернувшаяся драконом» — эти презрительные клички, брошенные по адресу давно умерших правителей, метили и в живых властителей страны.

Уэда Акинари ненавистны и насквозь прогнивший, разъеденный коррупцией токугавский режим, и Дух золота, который в «Рассуждении о бедности и богатстве» нагло заявляет о своем всемогуществе.

Патриархальная Япония, где народ благоденствует под властью «добротого государя», — таков был утопический идеал, который создали ученые — приверженцы японской старины («кокугакуся»). К этим оппозиционно настроенным по отношению к токугавскому правительству ученым принадлежал и Уэда Акинари. Ученые «кокугакуся» не признавали и не могли осознать, что идеал их несбыточен и что они расчищают дорогу для новой силы — буржуазии, призванной похоронить остатки патриархальной Японии.

Мечтая о счастливом времени, когда «умиротворенный народ запоет песню урожая», Уэда Акинари тревожно задает вопрос в «Рассуждении о бедности и богатстве»: «Кто же в конце концов объединит и приведет к миру наш народ?» Народное счастье мыслится далеким сказочным будущим. Писатель не знает путей к нему, но все же кончает свою книгу добрым пожеланием счастья, — обычная концовка японских народных сказок.

Тон рассказов Уэда Акинари о японском средневековье суровый и мужественный. Герои, за немногими исключениями, — сильные люди, способные на любой подвиг.

Это также люди необузданных страстей: предаваясь злу, они превращаются в демонов. В новелле «Голубой колпак» настоятель одержим греховной страстью такой силы, что ее не могут победить никакие молитвы. Распутство буддийских монахов было одной из любимых тем сатирических народных сказок, но настоятель в новелле Уэда Акинари не просто мелкий сластолюбец, тайно предающийся пороку: он вырастает в демона зла. До предела страшное искажается настолько, что становится гротескной маской ужаса. Гиперболизация страшного, с сохранением бытовых и гротескных черт, — особенность не только творчества Уэда Акинари, но и японской фантастики вообще — и в сказке, и в легенде, и в изобразительном искусстве.

Монашеская святость оказывается мнимой ценностью, так же как и слепая феодальная верность господину, доходящая до забвения всего человеческого («Встреча в праздник

хризантем»).

Тем контрастней звучит тема верности дружбе и любви. В новелле «Ночлег в камышах» Уэда Акинари выводит в качестве своих героев простых людей из народа. Страшные события истории средневековья губят их простое человеческое счастье, но верность и любовь оказываются сильнее смерти. Встреча разлученных на долгие годы и тоскующих друг по другу супругов состоится, несмотря на то что жены давно уже нет в живых.

В японских народных сказках, как и в сказках многих других народов, мир человека не отделен резкой гранью от мира животных. Первобытный человек, верования которого еще живы в сказках, очеловечивал животных. Лисицы, барсуки, змеи, пауки могли принимать человеческий образ и морочить людей.

В новелле «Распутство змеи» коварная змея принимает образ красавицы и обольщает молодого человека, но она наделена таким очарованием, такой прелестью, что читатель невольно начинает ей сочувствовать. Интересно отметить, что в популярной китайской пьесе о Белой змейке все симпатии зрителей на стороне змеи, разлученной со своим возлюбленным.

В старой Японии, помимо веры в оборотней, была очень распространена вера в привидения, которых якобы можно было отличить от живого человека только по тому, что они не отбрасывали тени. Верили также и в «одержимость». Демон или чужая душа могли якобы вселиться в человека. В древности любая болезнь могла быть объяснена как «одержимость». Для изгнания беса призывали монахов-заклинателей. В новелле о змее иронически, в народном духе, изображен такой заклинатель-неудачник.

Если человек, по народным поверьям, мог стать обиталищем духа, то и его душа могла вселиться в любое живое существо («Перевоплощение во сне»). В народной фантастике мифологические, очень древние верования переплетались с буддийскими религиозными поверьями о перевоплощении души и загробном наказании.

На горных дорогах неосторожного путника подстерегали монахи-призраки и подлинные монахи-разбойники, оборотни, ведьмы, людоедки и вполне реальные опасности. Путешествие без достаточного эскорта в феодальной Японии могло грозить гибелью.

Новеллы Уэда Акинари изображают поэтическую действительность такой, какой она предстает в народном воображении, соединяющем правду с вымыслом в один цельный поэтический образ.

Уэда Акинари — замечательный мастер слова. Он был отличным знатоком древней японской поэзии и прозы. Умение вплетать в ткань своего повествования поэтические образы из сочинений любимых классиков, к месту привести цитату всегда высоко ценилось в Японии, как и в Китае. В «Угэцу моногатари» встречаются постоянные поэтические эпитеты, характерные для древней поэзии, — и рядом с ними вдруг — меткая, бьющая в цель народная пословица.

В тексте новелл много стихотворений, как это было принято в старом японском романе. В них заключен очень большой эмоциональный потенциал. Стихи в «Угэцу моногатари» немногословны, как этого требует японская поэзия, но каждое — сгусток чувства, а не просто украшение текста.

Уэда Акинари вошел в историю японской литературы как один из лучших мастеров короткого рассказа. Глубина и новизна мысли, отточенная красота стиля, высокая поэтичность в духе народной фантастики позволяют причислить его новеллы к шедеврам японской литературы.

Уэда Акинари принадлежал к числу «ревнителей японской старины», но он не отказывался от великих завоеваний китайской культуры, он отвергал только мертвую догму токугавского режима, который пытался опереться на авторитет некоторых китайских философов прошлого. Уэда Акинари взял из китайской культуры многие ценнейшие ее элементы.

Превосходно зная китайскую философию, он выдвинул против идеологии феодального государства учение глубочайшего мыслителя древности — тираноборца Мэн-цзы. Народная литература Китая — один из главных источников, питавших вдохновение Уэда Акинари.

Как романист, он занял совершенно исключительное положение среди других писателей Токугавского периода, соединив в себе широту кругозора ученого, интерес к исторической теме с любовью к живой литературе современности. Сборник «Луна в тумане» — кульминационный пункт развития старой японской новеллы.

На смену ей пришел большой авантюрно-фантастический роман, прославленным творцом которого явился Такидзава Бакин (1767–1848).

Уэда Акинари многим обязан искусству своих предшественников — новеллистов Ихара Сайкаку и Кино Гёдзю. Уже неоднократно говорилось о значении народного китайского рассказа в истории его творчества. Он учился у японского театра умению находить в драматической ситуации главный узел конфликта. Широкое знание литератур Японии и Китая помогло ему создать свой единый неповторимый стиль, в котором сплетены воедино нити классического романа прошлого, поэзии, эпоса и народного творчества.

Человек переходного времени, Уэда Акинари стоит на рубеже двух эпох. Каждое событие в своих рассказах он поворачивает под особым углом, отыскивая в нем новые грани.

История в его книгах становится как бы грандиозными театральными подмостками, на которых выступает человек — активный носитель добра, борец против темных сил истории, надевших демонские маски. Эти демоны олицетворяют собой злые разрушительные силы феодального общества, которые препятствуют человеку достигнуть счастья. В книге звучит долгое незатихающее эхо грандиозных битв прошлого, но вдумчивый читатель того времени должен был почувствовать, что на самом деле он слышит раскаты надвигающейся грозы.

В. Маркова

Господин Ло^[9] сочинил «Речные заводи», и три поколения детей его рождались глухонемыми. Госпожа Мурасаки^[10] выпустила в свет «Повесть о Гэндзи» и была ввергнута в геенну. Было это ниспослано им в возмездие за лжесловие. Когда читаешь их сочинения, то видишь, что сочинения эти полны необыкновенных образов, и хоть смехотворны и бессвязны они, но похожи на правду, фраза за фразой текут плавно и увлекают читающего. Настоящее можно узреть в глубокой древности. Я тоже знаю несколько столь же легкомысленных историй, и мне удалось кое-как изложить их. Одни из них печальны, словно крик бесприютного птенца, другие ужасны, словно битва драконов, и бывало так, что сам я, сжимая в пальцах кисть, не мог совладать с печалью и страхом. Читающий, коему вздумается перелистать эти страницы, не должен, конечно, принимать изложенное за правду. Не родится ли и мне в возмездие мое дитя уродом?

В конце весны Года Земли и Крысы правления Мэйва^[11], туманной лунной ночью после дождя, записал я эти истории, сидя у окна, а записав, отнес в книгопечатню. Назвал я их «Угэцу моногатари».^[12]

И руку приложил Чудак Сэнси.^[13]

«Испросив позволения у стражи, прошел я заставу на Холме Встреч. Начиналась осень, и не оторвать было глаз от золота лесов. Восхищенному взору моему открывались дивные картины — Наруми, где волны прилива стирают следы морских ржанок на берегу, дым над высокой вершиной вечного Фудзэи, Плавучая долина Укисима, Застава Прозрачных Далей Киёми, скалистые бухты Оисо и Коисо, благоухающая равнина Мусаси в сиреневой дымке, тихое утро над заливом Сио-гама, соломенные крыши рыбацких хибарок Киса-гата, причалы в Сано и пристань Кисо. Сердце мое оставалось в этих краях, но хотел я увидеть и края, воспетые в песнях, к западу от столицы. Осенью третьего года правления Нинъан,^[14] миновав заросли тростника в Нанива, я продолжал свой путь пустынным берегом Сумаакиси, и ветер пронизывал меня насквозь. Так я пришел в Сануки и в селении, именуемом Миодзака, остановил свой посох.

Была здесь хижина, но утомленного путника она располагала не к сладкому отдыху, а к тихим молитвам. Узнал я, что недалеко от этого селения, на горе Сираминэ, есть гробница императора, и, пожелав вознести молитвы, отправился в начале октября на ту гору. Там были дремучие заросли сосны и дубы, и даже в дни, когда небо сияло легкой голубизной, казалось, будто там моросит унылый дождь. За горой высилась крутая вершина Утеса Младенца Тигогатакэ, из бездонного ущелья поднимались клубы тумана, обгоняя друг друга, застилая взор и вселяя в душу тревогу. Но вот заросли поредели, и я увидел земляной холм, на котором в три ряда громоздились каменные плиты. Все — и земля и камень — заросло бурьяном и дикой лозой. «И это гробница императора?» Тяжесть легла мне на сердце. Я не верил своим глазам.

И словно наяву узрел я его на троне Прозрачной Прохлады в Сиреневом Покое, — узрел, как он изволит вершить делами государства, а сонмы сановников, поражаясь августейшей мудрости, почтительно внимают его повелениям. Даже уступив престол императору Коноэ и удалившись от мира, изволил он уединиться в жемчужном великолепии дворца, скрытого в лесах Хакоя. И подумать только, что ныне августейший прах покоится под зарослями терния в лесной глуши, где видны лишь тропы олени и куда никто не придет вознести молитвы. Сколь страшны законы Кармы,^[15] если даже императору, вознесенному над всеми, не удалось убежать возмездия за дела в этой жизни. Так размышлял я о бренности мира, и слезы лились из глаз моих. Я решил совершить всенощное моление о его душе и опустился на каменную плиту перед августейшей могилой. Тихо читая молитвословие, поверг я к подножью гробницы такие стихи:

Казалось нам, вечен ты,
Как волны морского прибоя
У берега Мацуяма,
Но ты исчез, государь, Ты обратился в пепел^[16]

И опять неустанно продолжал я молиться. Мои рукава намокли от росы и слез; между тем солнце скрылось, и что-то недоброе предвещала ночь в этом глухом лесу. От каменных плит из-под опавшей листвы веяло ледяным холодом, душа моя стыла, и озноб пронизывал до костей. Не знаю почему, только меня охватил ужас. Взошла луна, но ни единый блик не озарил густой лес. Непроглядный мрак наваял на меня беспомощность, и вдруг послышался чей-то голос:

— Эньи!^[17] Эньи!»

Раскрыв глаза, Сайгё увидел перед собой человека странного облика, высокого и

исхудалого, с неясным лицом и в непонятных одеждах, но был он монахом просветленным и потому, не страшась, спросил: «Кто это здесь?»»

«Явился я, дабы ответить на твои стихи, — сказал человек и произнес:

Прибило меня волной
Сюда, к берегам Мацуяма,
Словно пустой челнок.
Я вскоре покинул мир.
Я здесь обратился в пепел.

Спасибо тебе, что пришел поклониться».

Услыхав это, Сайге понял, что перед ним призрак из гробницы, склонился до земли и сказал, обливаясь слезами: «Почему до сих пор блуждаешь ты в нашем суетном мире? Ведь ты покинул его, и этой ночью я молился об укреплении твоего родства с Буддой. Я радуюсь, что узрел тебя, но сколь печально, что дух твой не находит покоя! Отрешись от земного и насладись полнотой благодати воплощения в Будду!»

Император расхохотался. «Ты ничего не понимаешь, — сказал он. — Все смуты последнего времени — это дело моих рук. Еще при жизни склонялся я к силам тьмы и поднял мятеж в годы правления Хэйдзи.^[18] Мало того, я и после смерти продолжаю преследовать императорский род. Ты еще увидишь — мой дух породит величайшую под небом смуту».

Услышав слова императора, Сайгё сдержал слезы и воскликнул: «Какие недостойные помыслы изволишь ты лелеять в своем сердце! Возможно ли, чтобы ты, прославленный умом и талантами, не знал законов справедливого правления? Ответь мне, например, на такой вопрос. Считал ли ты, поднимая мятеж в годы правления Хогэн,^[19] что твои замыслы совпадают с волей богов неба? Или ты затеял эту смуту из низких побуждений? Расскажи мне подробно».

Тогда лик императора исказился, и он заговорил грозным голосом: «Слушай, ты! Императорский сан есть предел человеческих устремлений. Но если правитель сошел с пути справедливости, то его следует покарать, и это будет отвечать велению неба и желанию народа. И что же? На мне не было никакой вины, когда давным-давно, в год правления Эйдзи,^[20] я подчинился приказу моего августейшего родителя и уступил трон трехлетнему Тосихито. Было ли в моем поступке что-либо от душевной низости? Тосихито умер в юном возрасте, и все считали, что мой сын принц Сигэхито, и никто другой, должен принять на себя управление государством. Но происками Бифукумоньин, завистливой супруги моего августейшего

родителя, трон был отнят в пользу четвертого принца Масахито. Мог ли я не стать после этого ее заклятым врагом? Ведь Сигэхито обладал талантом правителя, а Масахито был бездарным ничтожеством. Мало того что мой августейший родитель не умел выделять достойных, он преступно посвящал в государственные дела свою супругу. Тем не менее, пока он изволил здравствовать, я, свято выполняя сыновний долг, ничем не обнаруживал своего недовольства. Когда же он удалился из этого мира, терпению моему пришел конец, и я дал волю гневу. Восьмисотлетняя Чжоуская династия^[21] зиждилась на том, что вассалы карали своих императоров, если это отвечало велению неба и желанию народа. И с высоты моих знаний я утверждаю: нельзя назвать преступником человека, который пытался свергнуть куриное правление. И ты, бросивший свой дом для слияния с Буддой, избравший из страха перед муками жизни и смерти путь бездействия вместо пути истинной справедливости, смешавший светлое учение Конфуция с бормотанием Сакья-Муни,^[22] как смеешь ты меня поучать?»

Но Сайгё, нисколько не испугавшись, придвинулся к нему и смело возразил: «В своих речах ты ссылаешься на пути справедливости, но ведь ты все еще не свободен от власти земных страстей. Что говорить о Китае, далекой Стране Дракона, — даже наша страна знает примеры истинной добродетели. В древности император Хонда соизволил сделать наследником светлого престола младшего принца Удзи, обойдя старшего сына принца Ооса-саги. И все же, когда император скончался, престол остался свободным, ибо братья уступали его друг другу. Так продолжалось три года, после чего принц Удзи в глубокой скорби сказал: „Пусть жизнь моя не будет обузой для страны“, — и сам прервал счет драгоценных дней своих, и его августейшему старшему брату не осталось ничего другого, как воссесть на престол. Вот пример истинной заботы о делах государства и глубокой верности сыновнему долгу, в которых нет и тени низменных страстей. А в этом и состоит суть лучезарного учения Конфуция. Преклоняться перед этим учением и следовать ему в делах государства начали в нашей стране после того, как принц Удзи постиг его, пригласив из Пэкче ученого Вани. Поэтому поистине должно сказать, что дух братьев-принцев был духом святых земли Хань.^[23]

Возьмем возникновение династии Чжоу. Гнев У-вана принес успокоение народу Поднебесной.^[24] Слышал я от людей, что в книге, именуемой „Мэнцзы“,^[25] сказано: „...то не было убийством государя подданным, то было казнью тирана, забывшего милосердие и поправшего справедливость“. И что же? Все книги земли Хань — сутры, хроники, стихи, — все до одной привезены к нам, в Страну Восходящего Солнца, и только эта книга Мэн-цзы не привезена. Говорят, что всякий корабль, который везет к нам эту книгу, непременно попадает в бурю и тонет. А почему? Как я слышал, боги опасаются появления у нас этого хитроумного сочинения, так как в последующие времена может объявиться злодей, который скажет: „Нет преступления в том, чтобы отнять престол у потомка богов“. Между тем с тех пор, как богиня Аматаэрасу^[26] основала нашу страну, ни разу не прерывалась династия императоров — ее потомков. Потому разгневанные боги, поднимая священный ветер „камикадзэ“, губят корабли с книгами Мэн-цзы. И немало в учениях других стран такого, что не годится для нашей страны, хотя это и учения святых. Есть даже стихи:

Пусть дома ссорится семья —
У ней отпор врагу один^[27]

А что сделал ты? Ты забыл родственные чувства. Не успел скончаться твой августейший родитель, не остыло еще его тело в гробнице, как ты развернул боевые знамена, натянул лук и

начал борьбу за престол. Нет более тяжкого нарушения сыновнего долга.

Власть принадлежит богам. Так установлено, что никому не дано своевольно отнимать престолы. Пусть даже народ мечтал увидеть на престоле твоего сына принца Сигэхито. Вместо того чтобы распространять добродетель и мир, ты коварно возмутил государство, и те, кто почитал тебя до вчерашнего дня, сегодня стали твоими злейшими врагами. Замыслы твои не увенчались успехом, а тебя подвергли беспримерному с древних времен наказанию, и ты обратился в прах в деревенской глуши. Прошу тебя, забудь наконец старую ненависть, вернись туда, где нет ни злобы, ни печали».

Император тяжело вздохнул. «Может быть, теперь, — промолвил он, — когда прошло столько времени, можно найти правых и виноватых и взыскать с меня за мою вину. Но что мне оставалось делать? Я был сослан сюда, в Мацуяма, и томился в доме Такатоо. Три раза в день мне давали пищу, и на этом кончались заботы обо мне. Ночами до моего ложа доносились крики диких гусей, и я с грустью думал о том, что они летят в столицу. А на рассвете я слышал веселую возню ржанок на отмелях, и мое сердце разрывалось. И я думал: „Видно, скорее у ворона побелеет голова, чем я вернусь в столицу. Быть мне прахом этого забытого берега“. Готовясь к переходу в иной мир, я переписал все пять сутр Махаяны, [\[28\]](#) но нельзя же было держать их здесь, среди диких скал, где не слышны ни трубы бонз, ни храмовые колокола. Тогда, чтобы отправить в столицу хотя бы следы своей кисти, я послал эти сутры в монастырь Нинва, и с ними такие стихи:

Пусть далеко они ведут,
Туда, туда, к самой столице —
Следы морского кулика,
Но сам он стонет в Мацуяма
Один, на голом берегу.

Но злобный Синсэй шепнул императору, что в моих сутрах и стихах, вероятно, кроется какое-то колдовство, и они были возвращены мне. Какое отвратительное деяние! Ведь я уже осознал тогда свою вину, хотя издревле в землях Ямато [\[29\]](#) и Хань нередко были примеры борьбы за власть между братьями. В знак раскаяния я переписал святые сутры. Император не должен был никого слушать. А между тем он нарушил даже закон о смягчении наказания августейших особ и не принял следы моей кисти. Тогда я возненавидел его. Я решил отомстить, посвятив эти сутры силам тьмы; я отрубил себе палец, кровью написал заклятье и бросил вместе с сутрами в море. Затем, укрывшись от глаз людских в глубоком уединении, я стал совершать великие моления о ниспослании мне короны князя тьмы. И что же, начался мятеж Хэйдзи. Сначала Нобуёри вовлек в свой заговор Йоситомо, соблазнив его гордыню высоким саном. Этот Йоситомо и был моим злейшим врагом. Весь род его, во главе с его отцом Тамэёси, погиб за меня, и только он один поднял на меня меч. Бешеная отвага Тамэтомо и военная мудрость Тамэёси и Тадамаса уже обещали мне победу, когда враг вдруг поджег мой дворец Сиракава, и мне пришлось бежать. Я изранил ноги на кручах Нёйгаганэ, укрывался от росы и непогоды под ворохами хвороста, оставленного лесорубами, но в конце концов был схвачен и сослан сюда. И все это из-за подлых козней Йоситомо. Но я расплатился с ним. Душа моя ожесточилась, я стал оборотнем и заставил его примкнуть к заговору Нобуёри. За измену богам своей страны он был разбит бесталанным в войне Киёмори, а за убийство своего отца Тамэёси был проклят богами неба и зарезан собственным вассалом.

Что же до Синсэя, то это вредный негодяй, мнящий себя большим ученым. Колдовством я

принудил его пойти против Нобуёри и Йоситомо: ему пришлось бросить дом и прятаться в пещерах Уд-зияма, где он был схвачен, и его голову выставили на лобном месте в столице. Так я отомстил за то, что по его наущению император возвратил мне сутры. Затем летом в год правления Охо^[30] я лишил жизни императрицу Бифукумонъин, а весной в год правления Тёкан^[31] погубил Тадамити. Той же осенью я сам покинул этот мир. Но пламя моего гнева разгоралось все сильнее. Я стал князем тьмы, и сделались мне подвластны более трехсот духов.

Вот что делали мои вассалы: увидав счастливых, приносили им горе, увидав мир, поднимали мятеж. Только велико еще счастье Киёмори: все его родичи и близкие получили высокие посты и чинят в стране самоуправство. Их охраняет верность Сигэмори, и их время еще не пришло. Но знай, недолго осталось благоденствовать роду Тайра! И император Масахито расплатится за свое бессердечие ко мне!» — Гневен и страшен был голос императора, когда он говорил эти слова.

Сайгё произнес: «Раз ты настолько погряз в злодеяниях мира тьмы и миллионы миллионов ри^[32] отделяют тебя от земли Будды, ничего больше я не скажу». И он замолчал.

Тогда дрогнули утесы и кручи, налетел ветер, пригибая к земле деревья, и закружил в небе песок и камни. У ног императора вспыхнуло таинственное пламя и, мгновенно разгоревшись, озарило горы и долины. Стало светло, как днем. И в этом свете Сайгё узрел августейший образ. Разгневанный лик императора был красен, взлохмаченные волосы ниспадали до колен, глаза вылезали из орбит, горячее дыхание было тяжелым. Его оранжевое одеяние казалось поблекшим, ногти на руках и ногах отросли, словно звериные когти. Это был истинный князь тьмы, отвратительный и страшный. Он поднял лицо к небу и крикнул: «Сагами, Сагами!» — «О-о!» — откликнулся голос, и появился оборотень, похожий на коршуна, и распластался перед императором, ожидая повелений. «Я приказал скорее покончить с Сигэмори, чтобы замучить Масахито и Киёмори. Почему ты не сделал этого?» — спросил император.

Оборотень ответил: «Счастье императора Масахито еще не кончилось. Верность Сигэмори преграждает нам путь к нему. Нужно подождать еще двенадцать лет, и тогда счет дней Сигэмори окончится. А когда он умрет, придет конец благоденствию рода Тайра». Император возликовал и забил в ладоши. «Все злейшие враги мои погибнут в этом вот море!» — закричал он. Несказанно жутким эхом отозвался его голос в утесах и ущельях. И так омерзительны были силы тьмы, что Сайгё не удержался от слез и вновь предложил императору вернуться на путь Будды. От всего сердца произнес он такие стихи:

Пусть, государь, с высоты
Твоего жемчужного трона
Некогда ты сиял,
Что он тебе — за гробом,
Там, где все люди равны?

Казалось, император был тронут этими словами. Лик его смягчился. Таинственное пламя померкло и почти угасло. Августейший образ стал таять и исчез. Куда-то бесследно пропал и оборотень. Луна спряталась за вершины, под ветвями сгустилась тьма, и Сайгё был словно во сне.

Немного спустя занялся рассвет. В светлеющем небе раздалось веселое щебетание утренних пташек. Сайгё прочитал над гробницей еще одну сутру, спустился с горы и вернулся в хижину. Поразмыслив на досуге, решил он скрыть от всех, что произошло этой ночью, ибо без единой ошибки рассказал император о судьбах людей и сроках событий после мятежа Хэйдзи.

Прошло тринадцать лет, и вот осенью третьего года Тисё^[33] заболел и покинул этот мир Сигэмори из рода Тайра. Тогда Киёмори осмелился поднять руку на императора Го-Сиракава, заточил его в замок Тоба и затем замучил в жалкой хибарке Фуку-хара. Между тем с востока тучей надвинулся Йоритомо, а из северных снегов поднялся Йосинака, И пришлось роду Тайра скитаться по западным морям, пока не отступили они в море Сануки к острову Сидоясима. Много храбрых воинов погибло там, став пищей для рыб и черепах. Наконец их загнали в залив Данноура, что близ заставы Акама, и там младенец император соизволил погрузиться в морскую пучину. Военачальники Тайра тоже погибли все до последнего. Странно и страшно это, но свершилось всё согласно предсказанию без единой ошибки.^[34]

После этого гробницу императора убрали драгоценными камнями, резными украшениями и поклонялись здесь его могуществу. Он стал богом, и всякий, кто бывает в этих краях, обязательно приходит поклониться ему.

Встреча в праздник хризантем

Не сажай в саду своем зеленую весеннюю иву. Не бери в друзья легкомысленного человека. Ива легко зеленеет, но разве выдержит она осенние ветры? Легкомысленный человек легко вступает в дружбу, но так же быстро о ней забывает. И если иву вновь красит зеленью каждая весна, то легкомысленный человек уже никогда не вернется к тебе.

Жил на почтовой станции Како в стране Хари-ма ученый муж по имени Самон Хасэбэ. Он отличался бескорыстием и бедностью и, кроме книг, которые были его друзьями, не желал иметь ничего. Была у него престарелая мать. Мудростью и благородством она не уступала матери Мэн-Цзы, проводила дни за прялкой и тем кормила себя и Самона. Сестра его была замужем за господином Саё из той же деревни. Этот Саё был весьма богат, но, почитая добродетели семьи Хасэбэ, породнился с нею. При каждом удобном случае он присылал семье Хасэбэ дары, хотя Самон неизменно возвращал их, говоря: «Разве я смею доставлять людям хлопоты из-за своей бедности?»

Однажды Самон посетил соседа. Они разговорились о делах минувших и о делах нынешнего времени, и вот, в разгар беседы, Самон услышал за стеной жалобный стон человека, терзаемого болью. Он спросил хозяина, кто это, и хозяин ответил: «Этот человек отстал от своих спутников и попросился ко мне на ночлег. Похоже, что он из западных стран и самурай.^[35] По виду он человек благородный, поэтому я позволил ему остановиться переночевать в моем доме. Но в ту же ночь у него поднялся сильный жар. Он не мог сам ни встать, ни лечь. Первые дни мне было очень жаль его, но теперь я уже раскаиваюсь в своем необдуманном поступке, ибо не знаю, кто он и откуда. Не знаю, как мне с ним быть».

Самон выслушал и сказал: «Поистине печальный случай. Ваше беспокойство вполне понятно. Но как, должно быть, горестно одинокому человеку вот так захворать в пути, каково у него сейчас на душе! Разрешите мне осмотреть его». Хозяин остановил его: «Я слышал, — сказал он, — что такие болезни прилипчивы. Я даже своим домашним настрого запретил входить к нему. Как бы чего не случилось, если вы зайдете туда».

Самон сказал, улыбаясь: «Смерть и жизнь — судьба. Разве может болезнь переходить от одного к другому? Это глупый предрассудок, и не мне верить таким вещам».

Он толкнул дверь, вошел и взглянул на незнакомца. Как и говорил хозяин, незнакомец был не простым человеком и, видимо, болен был тяжело. Исхудавший, с желтым лицом, он корчился в муках на старой постели. Грустно взглянув на Самона, он произнес: «Дайте, пожалуйста, воды». Самон наклонился к нему и сказал: «Не печалься, друг мой. Мы обязательно выходим тебя». Вместе с хозяином он отобрал необходимые снадобья, сам составил рецепт, сам приготовил лекарство и дал больному. Затем он накормил больного кашицей. Он ухаживал за незнакомцем, как за единоутробным братом. Поистине такой пример достоин подражания.

От теплых и участливых слов Самона у самурая на глазах выступили слезы, и он сказал: «Какое благодеяние оказываете вы скитальцу! Даже если я не выживу, я не забуду вашей доброты». Самон пожурил его: «И слушать не желаю об этом. Разве можно так падать духом? У заразной болезни есть свои сроки. Когда эти сроки пройдут, жизнь твоя будет в безопасности. Я буду каждый день приходить сюда и ухаживать за тобой». Выполняя обещание, Самон день за днем усердно ухаживал за больным. Мало-помалу болезнь пошла на убыль, и больной воспрянул духом. Он должным образом поблагодарил хозяина, а затем, заинтересованный и восхищенный необычайными достоинствами Самона, осведомился о его занятиях. После этого он рассказал Самону о себе: «Я вырос в Идзумо в деревне Мацуэ, и зовут меня Соэмон Акана. Я был немного сведущ в „Биншу“,^[36] поэтому Камонноскэ Энъя, владелец замка Томида, призвал

меня к себе и учился у меня военному искусству. Потом я был назначен тайным посланцем к Удзицуна Сасаки в Оми. Пока я там находился, Цунэхиса Амако, прежний владелец замка Томида, находившийся в сговоре с самураями рода Яманака, внезапно напал в новогоднюю ночь на замок и захватил его. Мой господин Камонносукэ погиб в бою. Страна Идзумо с давних пор была владением Сасаки, и таким образом Сасаки был протектором Энъя. Я предложил ему оказать помощь Мисава и Ситоя и уничтожить Цунэхиса. Однако Удзицуна Сасаки только представляется героем. На самом деле это трусливый и неспособный военачальник, и он отверг мое предложение. Мало того, он всячески удерживал меня. Но мне больше нечего было у него делать, поэтому я тайно от всех покинул его. И вот на пути домой я заболел и невольно доставил вам, учитель, столько хлопот, которых я, право, не достоин. Весь остаток своей жизни я посвящу тому, чтобы отблагодарить вас». Самон ответил: «Не могу принять твоей горячей благодарности, ибо по самой своей сущности человек не может пройти мимо погибающего. А тебе следует побыть здесь еще немного и поправиться». Убежденный этими искренними словами, Акана остался еще на несколько дней, после чего стал здоровым почти как прежде.

Эти дни Самон с рассвета до рассвета проводил в беседах с Акана. Когда разговор у них зашел о мудрецах древности, оказалось, что Акана отменно их знает. Особенно велики были его познания и опытность в военной науке. Самон нашел в нем приятного собеседника. Взгляды у них были одинаковые, и они оба радовались этому. В конце концов они подружились настолько, что объявили себя названными братьями. Акана был на пять лет старше Самона, поэтому принял от Самона почести, положенные старшему брату. Затем он сказал Самону: «Мои родители покинули меня в этом мире уже давно. Теперь, мудрый брат мой, твоя престарелая матушка будет и моей матерью, и я прошу чести лицезреть ее. Может быть, она снизойдет к моей простодушной просьбе и согласится считать меня сыном». Радость Самона не имела границ. «Матушка постоянно скорбит о моем одиночестве, — сказал он. — Когда она увидит тебя, годы жизни ее продлятся». И с этими словами он повел Акана к себе домой.

Мать Самона встретила Акана приветливо и сказала: «Мой сын ни на что не пригоден. Он изучает то, что никому сейчас не нужно, и никогда не выйдет в люди. Смотри же не покидай его и будь ему наставником, как это подобает старшему брату». Акана почтительно выслушал ее и ответил: «Честный человек превыше всего чтит справедливость. Почести, слава, богатство для него ничего не значат. Сейчас я обласкан вами, мой младший брат оказывает мне уважение. Чего мне еще желать?» И Акана провел в доме Самона еще много дней в радости и веселии.

Цветы на холме, что распустились, казалось, только вчера, уже осыпались, и в волнах прохладного ветра наступило лето. Акана, обращаясь к матери и брату, сказал: «Я бежал из Оми, чтобы узнать о положении в Идзумо. Все-таки мне нужно побывать там, а затем я вернусь, и тогда, если даже мне придется жить на соевой похлебке, я буду выполнять свой сыновний долг и воздавать вам за ваши благодеяния. Прошу вас, отпустите меня». Самон спросил: «А когда же ты вернешься, брат мой?» — «Время быстротечно, — ответил Акана. — Что бы со мной ни случилось, осенью я уже буду здесь». Самон сказал: «А в какой же день осени ждать тебя? Прошу тебя, назначь срок». — «Пусть днем моего возвращения будет Осенний Праздник девятого сентября», — ответил Акана.

«Брат мой, — сказал Самон. — Обязательно вернись в этот день. Я буду ждать тебя за столом, убранном веткой хризантемы и скромным сакэ». Они сердечно простились, и Акана отправился на Запад.

Быстро катились жемчужины дней, ветви гуми^[37] согнулись под тяжестью спелых плодов, у дорог распустились ромашки, и вот наступил сентябрь. Девятого утром Самон встал пораньше, прибрал свою скромную хижину, поставил в вазу несколько веток хризантем, желтых и белых, и стал готовиться к пиру. Престарелая мать сказала: «Слышала я, что эта страна

Идзумо лежит за крутыми горами, и до нас от нее сто ри пути. Разве можно сказать наверное, что он сегодня придет? Успеешь все приготовить, когда увидишь его». Самон ответил: «Акана — самурай, верный своему слову, и обещания он не нарушит. Стыдно мне будет готовиться к встрече тогда, когда он уже будет здесь». Так сказав, он все до последней монеты истратил, купил лучшее сакэ и сварил на закуску свежую рыбу.

День был ясный и безоблачный, по дороге мимо дома Самона шли путники, беседуя между собой. «Сегодня господин такой-то прибудет в столицу, — сказал один из них. — Прекрасная погода, она сулит мне удачу в моем деле». Прошли два самурая; одному было за пятьдесят, другому — около двадцати. Пожилой самурай говорил: «Ведь если бы в такую погоду мы с утра из Акаси отправились морем, то давно уже были бы в Усимадо. До чего труслива нынешняя молодежь, сколько лишних денег пришлось потратить!» Молодой самурай ответил: «Я слышал от приближенных господина, что при переправе из Адзукисима в Муроцу на пути в столицу господину бывает плохо. Наверное, все боятся этой переправы. Но не сердитесь, зато мы угостимся гречневой лапшой в Уогахаси». Прошел человек, ведя на поводу навьюченного коня. «Иди же ты, кляча слепая!» — сердито понукал он и то и дело поправлял вьюки. Вот и полдень миновал, а Акана все не появлялся. Вот и солнце уже склонилось к закату, путники заторопились, спеша на ночлег, а Самон все стоял и глядел на дорогу.

Мать подозвала Самона и сказала: «Сердце человека — не осеннее небо, но ведь и хризантемы прекрасны не только в свой праздник. Не надо огорчаться, если твой названный брат вернется не сегодня, а когда начнутся дожди. Лишь бы он вернулся. Пойдем в дом и ляжем спать. Подождем до завтра». Самон успокоил мать, уложил ее в постель, а сам подумал: «Может быть, он все-таки еще придет», — и опять вышел на дорогу. Холодный диск луны глядел ему в лицо, Млечный Путь еле мерцал в небе, в тоскливой тишине далеко-далеко разносился лай собак, и волны разбивались о берег, казалось, у самых его ног. Но вот тени гор поглотили лунное сияние. Стало темно, и Самон сказал себе: «Больше ждать нечего». Он уже хотел вернуться в дом и запереть двери, как вдруг в смутных ночных тенях заметил фигуру человека, влекомую порывами ветра. Пораженный, он остановился, взгляделся, и что же? Это был Созмон Акана. Самон возликовал. «Твой младший брат ждет тебя с утра, — сказал он. — Как хорошо, что ты сдержал свое обещание! Входи же, входи скорее!» Акана только молча кивнул в ответ.

Самон прошел вперед, усадил Акана на почетное место и сказал: «Брат мой, ты пришел поздно, и матушка, утомившись ожиданием, легла спать. Она думала, что увидит тебя только завтра. Я пойду и разбужу ее». Но Акана, покачав головой, остановил его. И опять Акана не произнес ни слова. Тогда Самон сказал: «Ты прошел долгий путь и очень утомился. Давай выпьем по случаю встречи, и скорее ложись отдыхать». Он подогрел сакэ и предложил Акана закуски, но Акана ни к чему не притронулся и закрыл лицо рукавом. Казалось, запах пищи был ему противен. «Прошу тебя, не брезгуй, — сказал Самон. — Все это приготовлено мною и, наверное, очень невкусно, но я готовил от чистого сердца». Некоторое время Акана молчал, тяжело вздыхая, а затем произнес: «Разве посмел бы я отвергнуть сердечное гостеприимство моего мудрого брата? Но я не в силах обманывать тебя и потому открою тебе всю правду. Только ты не должен пугаться. Я не принадлежу больше к миру солнца, я — призрак и принял свой прежний образ лишь на время». Изумленный Самон сказал: «Брат мой, какие странные вещи ты говоришь! Ведь не во сне же мы беседуем с тобой!»

Вот что рассказал Акана: «Расставшись с тобой, отправился я на родину. Оказалось, что большая часть земляков моих примкнула к победоносному Цунэхиса Амако, и никто уже не помнил благодеяний Энъя. В замке Томида я навестил Тандзи Акана, своего племянника. Он объяснил мне положение в замке и уговорил явиться на аудиенцию к Цунэхиса. Я согласился, потому что мне нужно было присмотреться к Цунэхиса. Да, Цунэхиса отличался недюжинной

храбростью и был искусен в обучении воинов. Но он был подозрителен и не доверял способным людям, и не было у него вассалов, готовых стать его когтями и клыками. Поняв, что нет смысла оставаться в замке, я рассказал Цунэхиса о своем обещании вернуться к тебе в Праздник Хризантем и хотел покинуть его. Но Цунэхиса, видимо, обиделся и, заупрямившись, приказал Тандзи не выпускать меня. До сего дня просидел я взаперти, и только одна мысль неотступно преследовала меня: что подумает обо мне мой благородный брат, если я нарушу обещание? Бежать из замка было невозможно. И вот сегодня я вспомнил, что говорили в старину: „Человеку не покрыть в день тысячу ри, а душа легко проходит в день тысячу ри“. Я вонзил в себя меч, черный ветер ночи подхватил меня и принес к тебе. Я выполнил свое обещание. Оцени же мой поступок». Акана замолчал, и из глаз его полились слезы. «А теперь прощай навсегда, — сказал он. — Прошу только, хорошо служи нашей матушке». Он поднялся и исчез, словно угаснул, Самон вскочил, хотел удержать его, но черный ветер дунул ему в глаза и скрыл все. Самон споткнулся, упал ничком и горестно застонал. Проснулась престарелая мать, испуганно поднялась с постели и пошла искать Самона. Самон лежал, распростершись в гостиной среди бутылей сакэ и блюд с закусками. Она поспешно подняла его и спросила, что с ним, но он только плакал навзрыд и ничего не отвечал.

Мать принялась его попрекать: «Если ты так злишься на своего брата Акана, то с каким лицом ты встретишь его завтра, когда он появится? До чего же ты глуп, словно малое дитя!» Самон наконец ответил сквозь слезы: «Он уже был здесь, мой старший брат. Он выполнил обещание. Но он отказался от всего, чем я его угощал, потому что он больше не человек, а житель тьмы. Он заколол себя мечом, чтобы выполнить обещание и пройти в один день сотни ри. Я нарушил ваш покой, матушка, простите меня!» Мать сказала: «Недаром говорится, что в темнице снится прощение, а жаждущий во сне пьет воду. Верно, так и с тобой. Опомнись!» Но Самон покачал головой. «Нет, матушка, — сказал он. — Это случилось наяву. Он был, был здесь, мой старший брат!» И Самон снова горестно заплакал. Мать больше не сомневалась, и они вдвоем всю ночь лили слезы.

На другой день Самон сказал, склонившись перед матерью: «С детства я посвятил себя книгам и кисти, но моя жизнь проходит без пользы между небом и землей. Я не прославил своего имени верностью родной стране и не имел случая до конца выполнить свой сыновний долг. А между тем брат мой Акана отдал жизнь, чтобы сдержать свое слово. Я сегодня же отправлюсь в Идзумо поклониться хотя бы его праху. Прошу вас разрешить мне это и беречь себя в мое отсутствие». — «Дитя мое, — ответила престарелая мать. — Раз уж ты собрался покинуть меня, возвращайся скорее и успокой мое старое сердце. Не оставляй меня надолго, иначе сегодняшней день может стать для нас днем вечной разлуки». Самон сказал: «Жизнь подобна пузырьку на воде — нам не надо знать, когда она оборвется. Но я все-таки вернусь». Он вытер слезы и покинул дом. По пути он зашел к господину Саё и почтительно попросил его заботиться о матери. Он шел в Идзумо, не думая о еде, когда был голоден, забывая об одежде, когда было холодно, а если засыпал ненадолго, то пробуждался от собственных слез, и на десятый день наконец достиг замка Томида.

Он явился к Тандзи Акана и назвал ему свое имя. Тандзи пригласил его в дом и сказал с изумлением: «Не понимаю, как вы могли так быстро узнать о судьбе вашего названного брата! Может быть, кто-нибудь на крыльях принес вам эту весть?»

Самон ответил: «Самураю не пристало искать богатства и славы: он должен быть верным и справедливым. Таким был и мой названный брат Созмон, который убил себя и призраком прошел сотни ри в одну ночь, чтобы выполнить обещание. И я спешил воздать должное его верности. Но прежде мне хотелось бы узнать ваше мнение об одном предмете, о котором я читал когда-то. Прошу вас, ответьте мне откровенно. В древности в княжестве Вэй тяжело заболел сановник Шу

Цзо. Вэйский князь самолично явился к нему и, взяв за руку, спросил: „Кто будет хранить устои государства, если с тобой случится непоправимое?“ Шу Цзо ответил: „Шан Ян, при всей его молодости, обладает большими способностями. Если вы не найдете нужным взять его к себе на службу, лучше умертвите его, но не выпускайте его из пределов ваших владений, ибо, оказавшись в другой стране, он причинит вам много хлопот“. Так Шу Цзо почтительно поучал вэй-ского князя, а когда князь покинул его, он тайно призвал к себе Шан Яна и сказал: „Я предложил князю взять тебя на службу, но князь, видимо, не желает этого. Я посоветовал ему умертвить тебя, если он не найдет нужным воспользоваться твоими способностями. Я поступил так потому, что прежде всего озабочен делами государя и только затем могу думать о подданном. Беги же скорее, спасай свою жизнь“. Так поступил Шу Цзо. А как вы поступили с Созмоном Акана?» Тандзи опустил голову и не сказал ни слова.

Самон придвинулся к нему и продолжал: «Мой брат Созмон Акана, сохранив преданность дому Энъя и отказавшись служить Амако, доказал, что он благородный муж. А вы предали своего господина, перешли на сторону его врага и тем опозорили честь самурая. Мой брат явил образец верности слову, отдав жизнь, чтобы выполнить обещание. А ты обнаружил свое вероломство замучив родного дядю, чтобы снискать расположение Амако. Пусть Цунэхиса насильно удерживал моего брата — ты должен был помнить о своем долге и поступить так, как поступил когда-то Шу Цзо. Но что тебе до долга и чести? Ведь тебе были дороги только твои низменные цели. Видно, все вы таковы в доме Амако. Да разве мог мой брат остаться здесь и служить этому дому? Но я пришел сюда, и я восстановлю справедливость. Пусть останется от тебя только грязное имя твое!» С этими словами Самон выхватил меч, ринулся на Тандзи и зарубил его одним ударом. Когда растерянные домочадцы пришли в себя, Самона уже и след простыл.

Узнав об этом, Цунэхиса Амако поразился такой необычайной верности двух названных братьев и не стал посылать погоню за Самоном. Недаром сказано: не бери в друзья легкомысленного человека. Если уж быть друзьями, то такими, как Самон и Акана.

В деревне Мама, что в уезде Кацусика провинции Симофуса, жил человек по имени Кацусиро. Его предки издавна селились в этих местах, он владел многими полями и жил в полном довольстве, но с течением времени стал по своему легкомыслию гнушаться крестьянским трудом; поэтому хозяйство его пришло в упадок.

Родственники отвернулись от него, и он, досадуя на это, принялся искать способ поправить свои дела. Как раз тогда в деревню приехал торговец по имени Содзи Сасабэ. Он торговал шелком, который выделывают в Асикага, и каждый год приезжал из столицы в эти места, причем часто навещал родственников, живших в деревне. Кацусиро хорошо знал его и обратился к нему с просьбой помочь и ему отправиться в столицу и стать торговцем. Сасабэ охотно согласился. Он сказал, что возьмет с собой Кацусиро на обратном пути, и назначил день своего возвращения. Кацусиро очень обрадовался, распродал оставшуюся землю, закупил на вырученные деньги много шелка и стал ждать Сасабэ.

Мияги, жена Кацусиро, была так хороша, что люди оглядывались, когда она проходила мимо, и нравом она тоже отличалась хорошим. Она была опечалена тем, что муж уезжает в столицу, и всячески пыталась отговорить его, но эта поездка была мечтой его жизни, поэтому пришлось ей смириться с предстоящей разлукой и собрать мужа в дорогу. Всю последнюю ночь они проговорили. «Женская душа, лишенная поддержки, обречена блуждать по полям и лесам. Подумай, как горько будет мне без тебя. Помни обо мне днем и ночью и скорее возвращайся. Говорится: если будем живы, встретимся. Но в наше время никто не может сказать, что случится завтра. Пусть же в твоём суровом сердце живет жалость ко мне». Кацусиро ответил, успокаивая жену: «В чужой стране человек подобен щепке, носимой волнами. Для чего мне оставаться там долго? Я вернусь осенью, когда свернутся листья кудзу. ^[38] Не падай же духом и жди меня». И с рассветом он оставил Восток, где люди шумны, как сороки, и поспешил в столицу.

В тот год, в лето правления Кётоку, ^[39] камакурский наместник Сигэудзи повздорил с советником Уэсуги, и воины Уэсуги сожгли дотла дворец наместника. Наместник укрылся у своих сторонников в Сосю. К востоку от столицы сейчас же возникла смута, все смешалось, каждый думал только о своем спасении, старики бежали в леса, а молодых согнали в боевые дружины. Одни селения горели, другие готовились к отражению врага и прятали женщин и детей. Людские души смутились, стоны и плач стояли над страной.

Жена Кацусиро тоже хотела бежать, но, вспомнив обещание мужа вернуться осенью, осталась в своем доме и так жила в душевном смятении, считая дни. Наступила осень, но о муже не было ни слуха ни духа. Видно, сердце человеческое так же ненадежно, как и весь этот изменчивый мир, решила она и сложила стихи:

Весть о моей печали
Кто б милому мужу мог отнести?
Хоть ты, вечерняя птица,
Парящая над «Заставой встреч»,
Напомни ему, что осень прошла.

Но многие горы и долины разделяли их, и он не мог внять ее мольбам. Между тем смута продолжалась, и все больше ожесточались людские сердца. Знакомые, изредка навещавшие

Мияги, соблазняясь ее красотой и пытались склонить ее на любовь. Однако она, блюдя свою добродетель, с негодованием отвергала эти попытки и в конце концов перестала показываться людям. Она жила в одиночестве, служанка ушла от нее, припасы кончились. Так она встретила Новый год.

А войнам и мятежам все не было видно конца. Еще осенью Цунээри, наместник в Восточной Симоно и правитель удела Мино, по приказу сёгуна^[40] двинулся совместно со своим родичем Санэтанэ из Тиба против Сигэудзи; камакурский наместник упорно оборонялся. Появились шайки разбойников; они строили укрепленные лагеря и жгли и грабили окрестное население. Во всех восьми уделах Канто не осталось ни одного спокойного уголка, жестокость и алчность овладели людьми.

Что же касается Кацусиро, то, прибыв вместе с Сасабэ в столицу, он быстро распродал весь шелк и получил при этом хорошую прибыль, потому что жители столицы в те времена любили роскошь. Он уже готовился в обратный путь, когда вся столица заговорила о том, что дворец Сигэудзи сожжен, что воины Уэсуги гонятся за камакурским наместником и что весь восток объят пламенем смуты. В слухах о любом событии, даже если ты сам был его свидетелем, всегда много вымысла. Тем более много вымысла должно быть в слухах о событиях, которые произошли в стране, скрытой за многими слоями белых туч. И все же Кацусиро не находил себе места от беспокойства. В начале августа он выехал из столицы и двинулся в обратный путь. Но добраться до дому ему не удалось. В горах Кисо за холмом Мисака в сумерках его остановили и ограбили разбойники. Затем он узнал, что на востоке всюду расставлены заставы, путников не пропускают ни туда, ни оттуда, и нельзя даже послать на восток письмо. Кацусиро подумал: «Дом мой, конечно, сгорел, жена погибла, и на родине меня встретят, верно, только чужие люди, ожесточившиеся, как дьяволы». И Кацусиро повернул назад к столице. Достигнув провинции Оми, он вдруг почувствовал себя плохо. У него началась лихорадка.

Жил в селении Муса богатый человек по имени Кихэй Кодама. Он приходился родственником жене Сасабэ, и Кацусиро попросил у него приюта. Кодама принял его, окружил заботами, пригласил лекаря и купил лекарства. Вскоре Кацусиро стало лучше, и он поблагодарил хозяина за его милости. Однако ходить он еще не мог, и волей-неволей ему пришлось прожить всю зиму и встретить весну в доме Кодама. Постепенно у него появились друзья: все они, начиная с самого Кодама, относились к нему очень благожелательно, потому что он был прямодушным и веселым человеком. Он съездил в столицу и навестил Сасабэ и снова вернулся в Оми к Кодама. Так, словно сон, прошло семь лет.

На втором году правления Кансё^[41] началась смута в Кавати, одной из столичных провинций. Там схватились насмерть в междуусобной битве предводители рода Хатакэяма. Вокруг столицы стало беспокойно. Весной разразился страшный мор. На улицах столицы валялись груды трупов, души людей погрузились во мрак безнадежности.

«Что же это я? — подумал Кацусиро. — Как мог я так опуститься? На что я надеюсь, оставаясь в этой далекой стране, живя милостями человека, который не связан со мною никакими узами? До каких пор я буду жить так? Что за злое у меня сердце! За эти долгие годы оно, словно поле, поросло травой забвенья, и я так ни разу и не вспомнил о жене, оставленной на родине. Пусть ее уже нет на этом свете, пусть она уже ушла в подземный мир — все равно я должен найти хотя бы ее останки и насыпать холм на ее могиле». Он рассказал друзьям о своем решении, дождливым майским днем вышел в путь и на десятый день добрался до родного села.

Время было позднее, солнце уже зашло. Темные тучи, готовые вот-вот разразиться дождем, низко нависали на землей. Места были знакомые; Кацусиро решил, что не заблудится в темноте, и пошел полем, через густые заросли летних трав. Но, выйдя к реке, он увидел, что старый мост провалился в бурный поток. Кругом никого не было; не слышно было звона копыт;

поля были запущены и заброшены; дороги заросли; многие дома разрушились. Кое-где в уцелевших постройках, видимо, жили люди, но ни одна из этих построек не была похожа на дома, которые когда-то видел здесь Кацусиро. И в смущении остановился Кацусиро, не зная, куда идти. Внезапно при звездном свете, блеснувшем в разрыве туч, он заметил в двадцати шагах от себя высокую сосну, расколотую молнией. Эта сосна росла у порога его дома, и он обрадованно зашагал к ней. Дом его ничуть не изменился. Видимо, в нем жили: сквозь щели ветхой двери мерцал огонек. Сердце Кацусиро забило от волнения. Кто в его доме, жена? Или кто-нибудь чужой? Он кашлянул. «Кто там?» — спросил голос из-за двери. Несомненно, это был голос его жены, хотя и очень постаревшей. Уж не сон ли это? Едва дыша, он сказал: «Это я, я вернулся! Но неужели ты живешь здесь по-прежнему, как раньше? Не думал я, что снова увижу тебя!» Жена отворила ему. Лицо ее было темным, глаза глубоко запали, прическа растрепалась, и волосы рассыпались по плечам. Кацусиро с трудом узнал ее. Увидев мужа, она молча заплакала.

Сердце Кацусиро сжалось, и некоторое время он не мог произнести ни слова. Затем он сказал: «Разве мог бы я оставаться в чужих краях так долго, если бы знал, что ты жива? Но вот что случилось со мной. В тот год я уже собирался в обратный путь, когда в столице стало известно о мятеже в Камакура. Рассказывали, что войска наместника разбиты, что наместник отступил в Сосю и что Уэсуги преследует его по пятам. На следующий день я распрощался с Сасабэ и покинул столицу. Это было в начале августа. В горах Кисо на меня напали разбойники, отняли у меня деньги и вещи и оставили мне только жизнь. Вскоре после этого я узнал от крестьян, что все дороги на восток — и в горах и по побережью — перекрыты заставами, что в ставку Уэсуги отправлен из столицы посол с приказом разбить наместника, что родина моя черна от пожаров и кишит войсками. Я не сомневался в твоей гибели и повернул обратно в столицу. Добрые люди из милости приютили меня, и я прожил у них семь лет. Но в конце концов я затосковал и решил вернуться, чтобы взглянуть хотя бы на то место, где мы с тобой жили. Мне и во сне не могло присниться, что ты жива. Я не могу поверить своим глазам. Может быть, ты мне только мерещишься?» Так говорил он, торопливо повторяя одно и то же.

Жена, сдерживая слезы, ответила: «Расставшись с вами, я ждала осени, но вдруг все переменялось, мир стал страшен, соседи бросили дома и бежали за море или прятались в лесах. Те же, кто остались, озверели и, пользуясь моим одиночеством, принялись домогаться моей любви. Много горьких минут пришлось пережить мне, так как я решила скорее разбиться вдребезги, чем сделаться игрушкой для сластолюбцев. Уже Млечный Путь в ночном небе возвестил о наступлении осени, а вас все не было. Я пережила зиму и встретила весну, а от вас не было даже вестей. Я думала отправиться в столицу искать вас, но разве под силу женщине пройти через заставы, которые не пропускали и мужчин? И я осталась жить в этом доме одна, без надежд, и лишь лисицы и совы были моими друзьями. Но теперь вы снова со мной, я рада, и обида моя прошла. Ведь если бы в ожидании я умерла от любви, никто бы не узнал, как мне было горько». И она вновь расплакалась. «Ночь коротка», — ласково сказал Кацусиро, и они улеглись спать.

Холодна была ночь, всхлипывал ветер в бумажном окне, но усталый Кацусиро спал крепко. В пятую стражу,^[42] когда в небе забрезжил предрассветный сумрак, Кацусиро замерз и в полусне потянулся за одеялом. Что-то зашуршало у него под пальцами, и он проснулся. На лицо его упала холодная капля. Может быть, идет дождь и протекает крыша, подумал он и открыл глаза. Крыша была сбита ветром, и со светлеющего неба нагло глядел месяц. Двери были раскрыты настежь. Бамбуковый пол прогнил, в зияющие щели густо проросла трава. С травы стекала роса, и одежда Кацусиро промокла насквозь. Дикий плющ оплел стены, двор перед домом утопал в сорной траве, и, хотя был разгар лета, на всем лежала печать осеннего

запустения.

Жена куда-то исчезла. «Может быть, все это — проделки лисы?» ^[43] — подумал Кацусиро. Однако дом, в котором он находился, был, несомненно, его собственным домом, хотя и пришел в крайнее запустение. Он узнавал и просторные комнаты, и дворовые постройки. Некоторое время он только растерянно оглядывался. Затем, поразмыслив, он решил, что жены его уже нет в живых, опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки. «А может быть, это тоскующая душа жены приходила ко мне?» Да, случилось так, как он и предполагал еще в столице. Он не мог даже плакать и спустился во двор, вспоминая старинные стихи: «Лишь я остался в живых...» Во дворе он увидел земляной холмик, прикрытый от дождя и ветра старой ставней. «Верно, отсюда являлся ночной призрак». Кацусиро стало страшно и грустно. У могилы он заметил чьи-то приношения, и среди них — дощечку с наклеенной бумажкой, на которой виднелась полустертая надпись. Кацусиро узнал почерк жены. Не было там ни посмертного имени, ни даты, только стихи, выражавшие тоску последних минут.

Вот что случилось со мной!
Но не угасла надежда
В любящем сердце моем:
Здесь до последнего вздоха
Встречи с тобой я ждала.

Впервые Кацусиро понял, что никакой надежды больше нет, и со стоном повалился на могильный холм. Как это страшно, — ведь он не знает даже, когда она умерла, ни года, ни дня и месяца! Может быть, удастся узнать у кого-нибудь? Солнце стояло уже высоко, когда он, осушив слезы, вышел на дорогу.

Он отправился к соседнему дому. Хозяин дома, человек совершенно ему не знакомый, подозрительно спросил: «Кто вы такой?» Кацусиро вежливо поклонился и сказал: «Я был хозяином вот этого дома. Семь лет назад я уехал по делам в столицу и вернулся только вчера ночью. Дом мой развалился, и никто там больше не живет. Я нашел там могилу. Видимо, моя жена умерла, и меня очень печалит, что я не знаю, когда это случилось. Если вы знаете, скажите мне».

Хозяин ответил: «Как грустно слушать ваши слова. Увы, я поселился здесь всего год назад и ничего не знаю о тех, кто жил в деревне раньше. Прежние жители бежали отсюда в дни мятежа, а нынешние пришли из других мест. Правда, есть здесь один старик, который, кажется, живет в этой деревне давно. Время от времени он бывает в вашем доме и ухаживает за могилой покойницы. Этот старик должен знать, когда умерла ваша супруга».

Кацусиро спросил: «Может, вы скажете, где живет этот старик?»

«Он живет в хибарке, — сказал хозяин, — в ста шагах отсюда, если идти к морю. У него есть поле, где он сеет лен».

Кацусиро поспешно отправился к этой хибарке и увидел там согбенного старика лет семидесяти, который сидел на рогоже перед очагом и пил чай. «Поздно же ты вернулся», — сказал старик, едва Кацусиро появился перед ним, и Кацусиро узнал в старике Урума, одного из прежних жителей деревни.

Кацусиро принес старику поздравления по поводу долголетия, а затем рассказал обо всем, что с ним произошло, начиная с того дня, как он уехал в столицу, и кончая странными событиями прошлой ночи. Со слезами на глазах поблагодарил он старика за то, что тот взял на

себя труд похоронить жену и ухаживать за ее могилой.

Старик сказал: «Летом, когда ты уехал в далекие края, кругом зазвенели мечи и копья, жители бежали кто куда, молодых согнали в военные дружины, и покинутые поля обратились в пустыри, кишашие лисицами и зайцами. Только твоя верная супруга, помня о твоём обещании вернуться осенью, не ушла из дома. Я тоже заперся в своём доме, потому что ноги мои болели, и я не смог бы пройти и ста шагов. И никогда мои старые глаза не видели ничего столь печального, как эта молодая женщина на поле боя, ставшем вскоре обиталищем чудовищных духов. Прошла осень, наступила весна, затем лето, и десятого августа твоя супруга умерла. Её смерть безмерно огорчила меня. Я своими руками вырыл могилу и опустил в неё гроб, а на могильном холме поставил дощечку со стихами, в которых твоя жена прощалась с этим миром. Я от всего сердца возложил на её могилу и свои скромные приношения. Я никогда не владел кистью и не смог обозначить месяца и дня её смерти. Прошло уже пять лет, а у покойницы до сих пор нет ещё посмертного имени, потому что до храма далеко. И вот этой ночью к тебе, несомненно, приходила душа твоей верной жены, чтобы рассказать о своей обиде. Пойдем же на её могилу и усердно помолимся».

Сказав так, старик, опираясь на палку, повел Кацусиро к могиле. Всю ночь они горевали и возносили над могилой молитвы.

Сон не шел к ним, и старик стал рассказывать: «Давно это было — когда ещё не родился мой дед и даже дед моего деда. В нашей деревне жила прекрасная девушка по имени Мама-но Тэкона. Дом её был беден, но она и в простом платье, босая и непричесанная была красива, как луна в пятнадцатую ночь. Когда она улыбалась, казалось, что распускаются цветы. Говорили, что она красивее столичных кокеток, облаченных в шелка и парчу. И не только жители нашей деревни, но и господа из столицы, и приезжие из других стран домогались её любви. Но её это только огорчало, и она стала тосковать. Она не могла ответить на любовь всех, вышла вон там на берег и бросилась в море. Об этом печальном случае люди сложили в старину песни, которые передавались от отцов к детям. Как жалко мне было эту девушку, когда мне, мальчику, рассказывала о ней моя мать! Но сердце твоей покойной жены тяготила тоска, которая много горше тоски юной Тэкона». Старик рассказывал и плакал. Старикам трудно сдерживать слезы.

Нет слов, чтобы передать печаль Кацусиро. Выслушав рассказ, он выразил свои чувства в таких неумелых стихах:

Когда-то в старину
Одну лишь Тэкона любили,
Как я люблю тебя.
Одну лишь деву так любили:
Прославленную Тэкона!^[44]

Печаль человека, который может выразить свои чувства словами, много легче печали того, кто не может связать двух слов. Все это рассказал один торговец, который часто бывал в тех краях.

Перевоплощение во сне

В старину, в годы правления Энтё, жил в храме Мидэра монах по имени Коги. Он славился как искусный художник, причем больше всего он любил изображать не будд, не горы и реки, не цветы и птиц, а рыб. В дни, свободные от храмовой службы, он отправлялся на озеро, где рыбаки в лодках удили и ловили неводом рыбу. Коги одарял рыбаков мелкими монетами, выпускал пойманных рыб обратно в озеро и, наблюдая, как они резвятся в воде, зарисовывал их. С годами он достиг большого мастерства. Порой, работая над картиной, он засыпал от усталости, и ему снилось, что он погрузился в воду и плавает среди рыб. Проснувшись, он тут же зарисовывал то, что видел во сне, и вешал рисунки на стену. Он даже назвал себя «Перевоплощенным в карпа». Люди, восхищенные его искусством, наперебой выпрашивали у него эти картины. Коги без сожаления раздавал картины, изображавшие горы и реки и цветы и птиц, но когда речь шла о картинах, где были изображены карпы, он всегда отказывал, говоря в шутку: «Разве может монах отдать воспитанную им рыбу мирянам, которые убивают и едят живое?» Эта его шутка, как и его картины, стала известна всей Поднебесной.

Однажды он заболел, и на седьмой день глаза его закрылись. Он перестал дышать. Собрались его ученики и друзья, огорченные его кончиной, но скоро они обнаружили, что грудь покойника теплая и не остывает. «Может быть, он еще жив?» — подумали они, сели вокруг и стали ждать. Прошло три дня. На четвертый день Коги вдруг шевельнул руками и ногами, глубоко вздохнул и открыл глаза. Словно человек, очнувшийся от сна, он сел на своем ложе и спросил: «Сколько дней миновало с тех пор, как я впал в забытие?» Ученики и друзья в один голос обрадованно ответили: «Вы перестали дышать три дня назад, учитель! Мы все — и служители храма, и ваши добрые знакомые — собрались здесь и уже совещались, как устроить ваши похороны, но вдруг обнаружили, что ваша грудь еще хранит тепло. Тогда мы решили не класть вас в гроб и поглядеть, что будет дальше. И что же — вы ожили! Как хорошо, что мы вас не похоронили!»

Коги кивнул и произнес: «Пусть кто-нибудь отправится в дом нашего прихожанина господина Тайра-но Сукэ и скажет ему вот что: „Монах чудесным образом ожил. Сейчас вы изволите пить сакэ и ждать на закуску сасими^[45] из свежей рыбы. Но соблаговолите прервать на время ваш пир и пожалуйте к нам в храм. Монах хочет поведать вам нечто очень интересное“. И пусть посланный поглядит, что делается в доме господина Тайра-но Сукэ. Он увидит, что господин Тайра-но Сукэ действительно пирует». Посланный, недоумевая, отправился в указанный дом, передал слова Коги и убедился, что в доме, как и говорил учитель, идет пир. Пировал сам хозяин Сукэ, его брат Дзю-ро, их домочадцы и садовник. Выслушав посланного, они очень удивились и отставили чарки. Хозяин, взяв с собой Дзюро и садовника, поспешил в храм.

Коги поднялся ему навстречу и поблагодарил его за внимание, а Сукэ поздравил монаха с возвращением к жизни. Затем Коги сказал: «Позвольте задать вам вопрос, господин. Заказывали вы рыбу рыбаку Бунси?» Удивленный Сукэ ответил: «Да, действительно заказывал. Откуда вы знаете?» — «Этот рыбак, — сказал Коги, — явился к вам с корзиной, в которой лежала большая рыбина. Вы и ваш почтенный брат играли в го^[46] в южной комнате. Ваш садовник сидел рядом, наблюдал за игрой и грыз большой персик. Когда рыбак показал вам рыбу, вы обрадовались, угостили его персиком из высокой вазы и трижды поднесли ему сакэ. А ваш повар с гордым видом вытащил рыбу из корзины и тут же приготовил сасими. Все было так, как я сейчас рассказал, не правда ли?» Сукэ и его люди пришли в замешательство и попросили Коги объяснить, каким образом он все это узнал. И Коги рассказал следующее.

«Я ведь не знал, что я уже умер. Боль мучила меня нестерпимо, я весь горел и, чтобы хоть немного освежиться, взял посох и выбрался за ворота. Мне сразу стало легче, я почувствовал себя как птица, которую выпустили из клетки в синее небо. Шел я не то лесом, не то полем, пока не очутился на берегу озера. При виде бирюзовых вод мне захотелось испытать наслаждение, которое я раньше ощущал лишь в своих снах, когда превращался в рыбу. Я сбросил одежды, нырнул и поплыл совершенно свободно, а между тем я никогда не умел плавать. Конечно, это был всего только вздорный сон. И все же, как бы хорошо ни плавал человек, ему далеко до рыбы. Я почувствовал зависть к рыбам за их недоступные мне радости. Вдруг возле меня появилась огромная рыба и сказала: „Монах, выполнить твоё желание нетрудно. Подожди здесь“. Она ушла в глубину и вскоре вернулась в сопровождении множества рыб. На её спине восседал человек в короне и богатом одеянии. Обратившись ко мне, этот человек сказал: „Повеление морского бога. Старый монах совершил многие добрые дела, спасая моих подданных. Сейчас он желает испытать радости жизни под водой. Дарую ему одеяние золотистого карпа и предлагаю своё гостеприимство. Но пусть он будет осторожен, пусть не соблазнится ароматом корма и не попадет на крючок“. Сказав это, человек в короне исчез.

Я оглядел себя и с изумлением увидел, что превратился в карпа. Чешуя на мне отливала золотом. Сам не зная как, я задвигал плавниками, ударил хвостом и весело поплыл куда глаза глядят. Сначала волны, поднятые ветром с горы Нагараяма, принесли меня к берегу. Но здесь, у самой воды, ходили люди, я испугался и нырнул в глубину, куда падала тень утеса Хира. Вдруг я увидел огни на рыбацких лодках из Какурэкатада, и меня против воли потянуло к ним. Ночь была ясная, чистый месяц сиял над серебряной вершиной Кагами, озаряя водную гладь. Прекрасны были острова Симаяма и Тикубудзима и алая изгородь храма, отраженная в воде. Я был заворожен этой красотой, когда надо мной прошел корабль из Асадзума, гонимый попутным ветром, и я метнулся в сторону. Все меня пугало в воде: и шест в опытных руках кормчего на лодке из Ябасэ, и шаги стражи на мосту Сэта. Я плавал у поверхности, только когда было тепло. В холодные ветреные дни я резвился над самым дном.

Вскоре я проголодался и заметался по озеру в поисках пищи. И тут я увидел крючок с наживкой, заброшенный рыбаком Бунси. Наживка пахла необыкновенно вкусно. Но мне вспомнился завет морского бога. Не к лицу мне, ученику Будды, набрасываться на рыбий корм только потому, что я немного голоден! И я отплыл прочь. Прошло некоторое время, голод все усиливался, и больше терпеть я не мог. Да неужели я настолько глуп, что попадусь на крючок, если схвачу наживку? Я решил, что стесняться нечего, тем более что Бун-си — мой старый знакомый, — и все-таки схватил корм. Бунси немедленно потянул лесу и вытащил меня. „Да что ты делаешь?!“ — завопил я. Однако Бунси сделал вид, что ничего не слышит. Он пропустил мне под жабры веревку, причалил к берегу, впихнул меня в корзину и поспешно направился к вам.

Вы с вашим почтенным братом развлекались в южной комнате. Садовник сидел возле вас и жевал фрукты. Увидев огромную рыбу, которую принес Бунси, вы все очень обрадовались. Тогда я изо всех сил закричал: „Вы что, не узнаете Коги? Отпустите меня! Дайте мне вернуться в храм!“ Однако вы тоже делали вид, что ничего не слышите, и только обрадованно хлопали в ладоши. Повар выхватил меня из корзины, бросил на кухонную доску и, сильно сдавив мне пальцами глаза, занес надо мною отточенный нож. В смертельной тоске я забился и стал кричать: „Разве можно убивать ученика Будды? Спасите, спасите!“ Тут нож вонзился в меня, и я проснулся».

Слушавшие были удивлены необычайно. «А ведь и верно, — сказал Сукэ. — Я видел, как рыба разевает рот, но не слышал ни слова. И подумать только, что я своими глазами видел такие удивительные вещи!» Он тут же отправил домой слугу с приказом выбросить в озеро остатки

сасими. Вскоре Коги выздоровел, и прожил еще много лет, и умер, когда окончился срок, определенный для него небом. Перед кончиной он опустил в озеро свои картины, изображающие карпов. Нарисованные карпы отделились от бумаги и, весело играя, исчезли в глубине. Вот почему картины Коги не сохранились до нашего времени. Прославился и Наримицу, ученик Коги, овладевший всеми тайнами его мастерства. Старинные моногатари рассказывают, что Наримицу изобразил на сёдзи^[47] дворца Канъин петуха и что живой петух, увидев этот рисунок, набросился на него.

Долго длились в нашей доброй стране мир и благоденствие. Люди находили радость в труде, а в свободное время предавались отдыху, весной — среди цветов, осенью — в парчовых рощах. Были и такие, кто не мог усидеть дома и либо плыл к берегам Кюсю, дремля под мерный скрип кормила, либо жадно устремлялся любоваться вершинами Фудзи и Цукуба.

В деревне Ока провинции Исэ жил человек из рода Хаяси. Еще в расцвете сил он передал дела наследникам и, хотя не собирался стать монахом, обрил голову и принял имя Мудзэн. С детства он не знал никаких болезней, и на склоне лет почувствовал склонность к путешествиям. Как-то раз, обеспокоенный грубостью и невежеством своего младшего сына Санодзи, он взял его на месяц к себе в особняк в Киото, чтобы молодой человек перенял нравы столичных жителей. В конце марта они отправились поглядеть на цветение вишен в Йосино и остановились в храме, воспользовавшись гостеприимством знакомых монахов. Они провели семь дней в приятных беседах, после чего решили перед возвращением домой побывать в горах Коя, где Мудзэн до того еще не был. Пробираясь сквозь густую апрельскую зелень, они пересекли Тэннокава и вышли к священной горе Мани. Дорога в гору была крутая; они шли долго, утомились и не заметили, как солнце склонилось к закату. Они обошли с молитвой все алтари, кумирни и гробницы и везде просили ночлега, но на их просьбы никто не откликнулся. Тут они встретили незнакомого человека и обратились к нему. Незнакомец сказал: «Тот, кто не монах и не прислуживает в храмах, должен покинуть гору и ночевать внизу. На этой горе путникам не дают ночлега». Ну как тут быть? Услышав это, старый Мудзэн, который очень утомился, бродя по горным тропинкам, пришел в совершенное уныние.

Санодзи сказал: «Солнце зашло, ноги болят, разве мы в силах проделать еще и обратный путь? Мне, молодому, ничего не стоит заночевать тут же в траве, но я боюсь за вас». Мудзэн ответил: «Это и есть самое интересное в путешествиях. Усталый, с израненными ногами, ты спускаешься с горы, но ведь ты возвращаешься не в родной дом. Завтра тебя ожидают новые испытания. Эта гора — самое святое место в нашей стране, она прославлена именем Кобо-дайси,^[48] чья благость не знает границ. Нам следовало бы специально прийти сюда на ночь, чтобы помолиться о вечном блаженстве в будущей жизни. Счастливый случай привел нас сюда. Так пойдем же к гробнице Кобо-дайси и будем всю ночь читать там сутры». Так сказал Мудзэн и направился по темной тропинке через рощу криптомерий. Они поднялись на галерею перед гробницей, уселись на разостланных плащах и принялись тихо читать сутры, хотя им было немного не по себе в густеющем мраке. Все здесь было необычайно — и расчищенная поляна, на которой стояла гробница, и рощи. Но храмы были далеко от этого поля благодати, и не слышно было ни голоса монаха, читающего сутру Дхарани,^[49] ни звона молитвенных колокольчиков. Вдали выше облаков стеной поднимался лес, в тишине печально журчал ручеек у тропинки. Мудзэн, чтобы отогнать сон, заговорил:

«Сила святости Кобо-дайси была такова, что пробуждала душу у земли, у камня, у травы и у дерева. А теперь, когда прошло восемь с лишним веков, она сделалась еще более могучей. Из всех мест, где Кобо-дайси творил свои великие дела, эта гора — самое святое место, ибо отсюда пошло учение Будды и здесь люди приобщились к нему. В старину, еще будучи на этом свете, Кобо-дайси отправился в далекие земли Морокоси. Там, по наитию свыше, он бросил в небо трезубец и сказал: „Место, где упадет трезубец, да будет свято, и там я воздвигну храм истинного учения“. Трезубец упал как раз на этой горе. Я слышал, что он упал вон у того алтаря, рядом с сосной, которая теперь так и называется „Трезубец“. Говорят, все здесь чудотворно — и травы, и деревья, и источники, и камни. Нет, неспроста оказались мы здесь этой ночью. Это

воздаяние нам за свершенные в прежней жизни добрые дела. Ты молод, но смотри, и во сне не смей пренебрегать верой». Так вполголоса говорил Мудзэн, но сердце его сжималось от страха.

«Буппан! Буппан!» — донесся откуда-то, видимо из рощи за гробницей, крик птицы, и ему отозвалось близкое эхо. Мудзэн обрадовался. «Вот диво! Ведь это крик птицы буппосо! Давно мне говорили, что здесь водятся буппосо, но я не встречал никого, кто слышал их голос. Поистине это служит предзнаменованием того, что нынешней ночью нам простятся наши грехи и что в будущей жизни нас ждет хорошая судьба. Говорят, буппосо живет только в чистых, неоскверненных местах. Она водится на горе Касёдзан в провинции Канд-зукэ, на горе Футараяма в провинции Симодзукэ, на вершине Дайго в Ямасиро, на Синагаяма в Коти. А о том, что она водится здесь, в миру известно благодаря песнопениям Кобо-дайси:

В пустынном лесу я сидел на горе.
Холодный рассвет предо мной горел.

И в голосе птицы, прорезавшей синь,
Призыв прозвучал мне «Трех святынь».^[50]

Есть голос у птицы — святая весть,
И сердце в груди человека есть,

И были мы близки душой тогда,
Как облако — там, и здесь — вода.

И еще есть такие старинные стихи:

К вершине Мацуноо^[51]
Задумчиво поднял я взоры.
Вдруг птицы святой — буппосо
Раздался таинственный голос
В предутренней тишине.

Рассказывают, что в древности в храме Сайфуку жил монах Энро, несравненный ревнитель учения, и бог Мацуноо в награду послал ему в услужение эту птицу. Понятно, что с тех пор буппосо выют гнезда в храме Мацуноо. Этой ночью я уже слышал одно чудо — голос буппосо. Неужели не снизойдет на меня просветление?» Мудзэн задумался и произнес такие стихи в своем излюбленном стиле хайку:^[52]

Даже птицы голос,
Словно чаща глубокая леса,
Исполнен тайны.^[53]

Затем он достал принадлежности для письма, записал эти стихи при свете светильника и стал слушать, надеясь еще раз услышать крик буппосо. Вдруг со стороны далекого храма донеслись строгие окрики герольда — к гробнице приближалась какая-то процессия. Кто мог

прийти сюда молиться в такой час? Мудзэн с сыном переглянулись в смущении и страхе, а к гробнице, с треском ступая по доскам моста, уже подходил молодой герольд. Они хотели было спрятаться за угол, но самурай заметил их и сказал: «Кто вы? Сюда изволит быть его высочество! Сойдите вниз!» Они поспешно спустились с галереи и упали ниц. Тут послышался топот множества ног, и на галерею поднялся сановник, облаченный в наоси, с шапкой эбоси ^[54] на голове. Он сел, и справа и слева от него расположились несколько самураев из его свиты. Сановник спросил: «А где же тот-то и тот-то?» — «Сейчас придут», — ответили ему. Снова послышался топот ног, и на галерею взошли, почтительно кланяясь сановнику, бритоголовые монахи в сопровождении сурового воина.

Сановник, повернувшись к воину, спросил: «Почему ты задержался, Хитати?» — «Господин, — сказал воин. — Самураи Сираэ и Кумагая готовили для вас угощение, и я присоединился к ним, чтобы приготовить на закуску что-нибудь свежее. Поэтому я отстал от свиты». В ту же минуту перед сановником поставили вино и закуски, и начался пир. «Мансаку! — крикнул сановник. — Налей!» К нему подполз на коленях молодой красивый самурай и наклонил бутылку. Чарки весело пошли по рукам. Сановник произнес: «Мы давно не слышали речей Дзюха. Позвать его!» Кто-то кликнул Дзюха, и из-за плеча Мудзэна вдруг выдвинулось крупное лоснящееся лицо монаха с яркими глазами и большим носом. Монах оправил рясу и, поднявшись на галерею, почтительно уселся поодаль от сановника.

Он принялся рассказывать древние предания, и восхищенный сановник приказал: «Одарить его!»

Один из воинов спросил монаха: «Скажите, почему Кобо-дайси не высушил ядовитые воды Жемчужной реки?»

Здесь, на этой горе, все чудотворно — земля и камни, трава и деревья, и вредоносна лишь вода в Жемчужной реке. Говорят, что люди, испив из нее, умирали, и Кобо-дайси якобы даже сложил о ней такие стихи:

Вдруг, позабывшись,
Пригоршню воды зачерпнет
Путник усталый...
Как сияет Жемчужная река
В дебрях таинственных Такано!^[55]

Монах, улыбаясь, сказал: «Эти стихи — из сборника „Фугасю“». Комментарий к ним гласит: «На пути к храму в дебрях Такано воды реки Жемчужной кишат ядовитыми насекомыми, и стихи сочинены в предостережение жаждущим». Как видите, ваше мнение совпадает с мнением комментатора, и ваше недоумение понятно. Ведь Кобо-дайси был всемогущ, ему были подвластны духи земли: проложить дорогу или прорыть пещеру в скале ему ничего не стоило. Он приручил Великого Змея, заставил служить себе феникса. Люди почитали

его за доброту и могущество, поэтому комментарий представляется мне очень сомнительным. Я толкую эти стихи по-иному. Паломники не помнят, не знают, что на Такано есть эта прекрасная река, но тем не менее восхищаются ее чистыми водами. Я думаю, что ядовитость вод Жемчужной реки — выдумка, да и сами стихи вызывают сомнение, потому что они написаны не в стиле начала Хэйанской эпохи. Когда мы говорим: жемчужная прическа или жемчужные одежды, мы словом «жемчужный» выражаем свое восхищение чистотой или красотой предмета. Совершенно так же мы называем чистую воду жемчужной водой. Издавна в разных провинциях есть реки, получившие название Жемчужных — Тамагава. Во всех стихах, посвященных любой из этих Тамагава, воспеваются чистота и красота их вод. Думается, так же чиста и вода Жемчужной реки на горе Такано. Разве можно представить себе, чтобы ядовитый поток назвали словом Жемчужный? Впрочем, ревностные почитатели Будды часто не понимают стихов и делают подобные ошибки. И весьма похвально, что вы, человек далекий от поэзии, сумели усомниться в комментарии». Все пирующие выразили восхищение словами монаха.

Из-за гробницы вновь донесся крик птицы: «Буппан! Буппан!» «Редко приходится слышать эту птицу, — промолвил сановник, подняв чарку. — От нее на пиру веселее. Ну, что же ты замолк, Дзюха?» Монах почтительно ответил: «Мои стихи, наверное, уже надоели господину. Между тем здесь оказались двое паломников, и один из них весьма искусен в современных стихах. Пусть господин потребует его к себе». Сановник приказал: «Подать его сюда!» — и тогда молодой самурай обернулся к Мудзэну и сказал: «Тебя зовут, подойди к князю». Не помня себя от страха, Мудзэн ползком приблизился к сановнику.

Монах сказал ему: «А ну-ка, прочти господину стихи, которые ты только что сочинил». — «Смилуйтесь! — сказал, весь дрожа, Мудзэн. — Какие стихи? Я ничего не помню!» Монах настаивал: «Ты читал о таинственном голосе птицы. Читай же скорее, это желание его высочества». Охваченный ужасом, Мудзэн спросил: «Кто же это? Кого вы называете высочеством? Что означает этот пир в горных дебрях в глухую ночь? Я ничего не понимаю!» И монах ответил: «Его высочество — это наместник императора князь Хидэцугу, и с ним прославленные правители и воины Кимура Хитатиноскэ, Сасабэ Авадзи, Сираэ Бинго, Кумагая Тайдзэн, Авано Моку, Хибино Симодзукэ, Ямагути Сёун, Марумо Фусин, Рюсэй-нюдо, Ямамото Тономо, Ямада Сандзюро и Фува Мансаку. А я — хоккё ^[56] Дзюха. Тебе и твоему спутнику пожалована поистине необычайная аудиенция. Читай же скорее». Будь на голове у Мудзэна волосы, они поднялись бы дыбом от страха; душа его ушла в пятки. Трясущимися руками он достал из своей сумы «дхутанга» лист чистой бумаги, кое-как написал стих и подал Ямамото Тономо. Тономо прочитал вслух:

Даже голос птицы,
Словно чаща глубокая леса,
Исполнен тайны.

«Хорошие стихи, — похвалил князь Хидэцугу. — Пусть кто-нибудь сочинит следующую строфу!» — «Позвольте мне», — сказал, выступив вперед, Ямада Сандзюро, подумал, наклонив голову, и написал:

Пускай, не смыкая глаз,
Кунжута зерна мы жжем до зари, —
Как летняя ночь коротка!^[57]

«Прекрасно», — сказал Дзюха и передал стихи князю. Князь похвалил, развеселился и снова пустил по кругу полную чарку.

Вдруг человек, которого Дзюха назвал Авадзи, изменился в лице и сказал: «Наступает час кровавой битвы. Я слышу, как к нам приближается демон Асура.^[58] Готовьтесь же!» Лица пирующих тотчас запыхтели, словно налились кровью, все дружно вскричали: «Зададим же мы сегодня трепку этому сброду Исида и Масуда!» Князь Хидэцугу повернулся к Кимура: «Зря мы показались этим бездельникам-паломникам. Захвати их с собой на кровавую бойню!» Но его старые соратники закричали: «Дни их еще не сочтены! Зачем же творить новые злодеяния?» Фигуры людей стали удаляться и исчезли в туманном небе. Некоторое время Мудзэн и его сын лежали без памяти, но, когда забрезжил рассвет, холодная роса вернула их к жизни. Было еще совсем темно. В страхе, непрерывно повторяя имя Кобо-дайси, они дождались восхода солнца и сошли с горы. Они поспешно вернулись в Киото и долго лечились снадобьями и иглоукальванием. Как-то раз, проходя по мосту Сандзё, Мудзэн вспомнил о казни на Акугякудзука — Холме Возмездия. Ночь у гробницы на горе Такано сейчас же представилась ему, и, хотя дело было днем, его охватил ужас. Здесь записано то, что Мудзэн рассказал одному знакомому в столице.

Котел храма Кибицу

«Тяжело жить с ревнивой женщиной, но истина эта познается лишь в преклонных годах». Кому принадлежит это изречение? Поистине хорошо еще, если ревность только мешает в повседневных трудах, вредит семейному благополучию и навлекает на свои жертвы порицание соседей. Но она может также погубить семью, опустошить государство и сделать человека посмешищем для всей Поднебесной. С древних времен было много людей, которых отравил яд ревности. Некоторые из них предавались мести и превращались после смерти в змей или в молнию с громом. Таких мало было бы и засолить живьем, но, к счастью, подобные случаи были редки. Мук ревности можно избежать, если мужчина сам ведет себя достойно и следит за поведением жены, однако слишком часто он поддается минутным увлечениям и возбуждает ревность в женщине, характер которой капризен от природы. И справедливо говорится, что птицу держит в повиновении клетка, а женщину — твердость ее супруга.

Жил в деревне Ниисэ уезда Кая, что в провинции Кибицу, человек по имени Сёдайфу Идзава. Дед его служил у Акамацу в провинции Харима, но в первый год Какицу во время смуты он покинул дворец своего господина и обосновался в этих краях. С тех пор вот уже третье поколение Идзава занималось крестьянским трудом и жило в большом достатке. Однако единственный сын Сёдайфу, беспутный Сётаро, невзлюбил труд землепашца, вышел из повиновения родителям и предался разгулу. Отец и мать его были очень этим опечалены. Посоветовавшись между собой, они решили, что Сётаро остепенится, если женить его на красивой девушке, и принялись по всей провинции искать сыну невесту. Тут как раз нашелся и сват, который предложил им свои услуги. Он сказал: «У господина Мики Касада, жреца храма Кибицу, есть красавица дочь. Она послушна родителям, слагает стихи и прекрасно играет на кото.^[59] Род господина Касада древний и достойный, он потомок Кибицу-но-Камовакэ, и породниться между собой было бы счастьем для ваших семей. Я искренне желаю, чтобы такой брак состоялся. Что вы скажете на это?»

Сёдайфу очень обрадовался и ответил: «Вы принесли нам добрую весть! Такой брак был бы честью для нашей семьи, но ведь род Касада — самый знатный в нашей провинции, а мы — всего-навсего бедные землепашцы. Боюсь, что Касада не согласится на такой неравный союз». Старик сват сказал, улыбаясь: «Ваша скромность не знает пределов. Ничего, я устрою этот брак, и мы споем песню во славу вечного счастья молодоженов». И он отправился к Касада со своим предложением. Касада, выслушав его, обратился к жене за советом. Жена же решительно сказала: «С тех пор как нашей дочери исполнилось семнадцать, я потеряла покой. Я все думаю о ее судьбе и гадаю, найдется ли для нее достойный человек. Надо скорее заключить помолвку и назначить день свадьбы». Она настаивала с таким жаром, что Касада туг же известил Идзава о согласии на помолвку. Семьи обменялись подарками и выбрали счастливый день для свадьбы. Чтобы вымолить у божества храма Кибицу счастье для жениха и невесты, Касада созвал жрицу и жрецов и преподнес божеству горячую воду.

Издавна повелось так, что люди, желавшие узнать свою судьбу, приходили в храм Кибицу с богатыми приношениями и гадали на горячей воде. Воду наливали в большой котел, после чего жрицы творили молитвословия. Если человека ожидало счастье, вода в котле закипала и котел издавал шум, похожий на рев быка. Если же предстояло горе, котел молчал. Так совершалось гадание на котле храма Кибицу. Видно, боги отвернулись от семьи Касада, потому что на этот раз котел не отозвался на заклинания ни единым звуком. Обеспокоенный Касада сообщил об этом недобром предзнаменовании своей жене, но та спокойно ответила: «Наверное, кто-нибудь из жрецов был осквернен, вот и молчал котел. Где это видано, что

бы помолвка расторгалась после обмена подарками? Это невозможно, даже если супружеский обет дан врагу или иноземцу. Да и Идзава, конечно, не согласился бы отступить; ведь он потомок самураев и всегда верен своему слову. А наша дочь, прослышав о красоте жениха, ждет не дождется свадьбы и считает по пальцам оставшиеся дни. Если ты расскажешь ей о предзнаменовании, она может что-нибудь сотворить над собой. Пожалеешь потом, да поздно будет». Так успокаивала она мужа: видно, говорило в ней женское упрямство.

Касада желал этого брака, поэтому согласился с женой, что не следует придавать большого значения предсказанию котла. Вскоре состоялась церемония бракосочетания; все родственники поздравили молодоженов и пожелали им счастья на всю жизнь. Войдя невесткой в дом Идзава, Исоё сразу показала себя отменной женой. Вставала она рано, ложилась позже всех, служила старательно свекру и свекрови, угождала мужу и предупреждала все егожелания. Старики Идзава восхищались ее

почтительностью и преданностью и не могли ею нахвалиться. Да и Сётаро она полюбила, и они сначала жили в добром согласии. Но прошло немного времени, и распущенность Сётаро взяла над ним верх. Втайне от всех вступил он в преступную связь с гетерой Содэ из чайного заведения в Томо-но-Цу. В соседней деревне он приобрел дом и проводил там с Содэ по нескольку дней подряд, не возвращаясь в семью. Напрасно оскорбленная Исоё пыталась усовестить его, пугала родительским гневом, укоряла за измену, — Сётаро ни на что не обращал внимания. Дошел он однажды до того, что не появлялся домой в течение целого месяца. Тогда старый Идзава, будучи не в силах больше видеть слезы невестки, заточил сына. И что же? Больше всех горевала об этом Исоё. Она сама вместо слуги носила ему пищу и усердно за ним ухаживала. Мало того, она украдкой посылала Содэ гостинцы: вот какое доброе сердце было у нее.

Однажды, когда старый Идзава отлучился из дому, Сётаро сказал жене: «Теперь я вижу, как ты любишь меня, и мне стыдно за свою вину перед тобой. Я решил отправить ту женщину на ее родину. Если ее здесь не будет, наша жизнь устроится, и гнев отца утихнет. Только вот в чем дело. Она родом из Инамино, что в провинции Харима, родители ее давно умерли, и у нее нет никого на свете, кто позаботился бы о ней. Ведь я приласкал ее из жалости. Стоит мне оставить ее, и она опять сделается портовой девкой. Говорят, однако, что в столице к женщинам ее профессии относятся не так строго. Не лучше ли будет отправить ее в столицу и устроить в услужение к достойному человеку? Нужно лишь достать ей денег на дорогу и одежду, потому что сейчас у нее нет ни гроша. Пожалей же ее и добудь ей денег». Услыхав это, Исоё очень обрадовалась и ответила: «Не беспокойтесь, я все сделаю». Она тайно продала свои наряды и украшения, обманом заняла немного денег у матери и все деньги передала Сётаро. А Сётаро, получив деньги, крадучись покинул дом, захватил Содэ и бежал с нею в столицу. Подло обманутая Исоё возненавидела мужа всей душой. Горе поразило ее тяжелым недугом, и она слегла. В семьях Идзава и Касада все проклинали Сётаро и жалели Исоё. Исоё пользовали всевозможными снадобьями, но она все слабела, перестала принимать даже рисовый отвар, и вскоре стало видно, что ей уже не жить на этом свете.

В деревне Араи в провинции Харима жил двоюродный брат Исоё по имени Хикороку. Сётаро и Содэ на время остановились у него. Хикороку сказал им: «Столица, конечно, хорошее место, но ведь и там не всякий всякому помогает. Оставайтесь лучше у меня. Будем жить вместе и делиться каждой чашкой риса». Сётаро и Содэ были только рады найти пристанище. Хикороку снял для них домик рядом со своим домом и тоже радовался, что у него появился добрый товарищ. Между тем Содэ, видимо, немного простудилась. По ночам она мучилась и корчилась во сне, словно одержимая. Обеспокоенный Сётаро, забыв обо всем на свете, ухаживал за нею. А она плакала и металась в постели, как будто что-то душило ее. Но, просыпаясь, она

ничего не помнила. И Сётаро вдруг подумал, что над Содэ тяготеет проклятие какого-то духа, — может быть, обида брошенной им женщины.

Он сказал об этом Хикороку, однако тот ответил: «Не может быть. Я не раз видел таких больных. Не беспокойся, жар у нее пройдет, и страдания забудутся, как сон». Увидев, что Хикороку не придает большого значения болезни, Сётаро немного успокоился. Но шли дни, Содэ все не поправлялась и на седьмой день умерла. Сётаро словно помешался. Он кричал, что тоже хочет умереть, горько плакал и в отчаянии топал ногами, обратив лицо к небу. Хикороку с трудом его успокоил. Они вместе предали тело Содэ огню и, когда оно обратилось в пепел, собрали и захоронили останки, поставили памятник и пригласили монаха, чтобы он позаботился о жизни усопшей в ином мире.

Сётаро проводил дни в тоске по ушедшей в иной мир подруге и сетовал на то, что не в силах вновь вернуть ее к жизни. Порой он вспоминал о своей родине, но родина казалась ему более далекой, чем царство тьмы. Впереди не было моста, а дорогу назад он потерял. Днем он лежал дома, ночью же уходил на кладбище, где могила уже зарастала травой и где грустно стрекотали цикады. Но вскоре оказалось, что не только у него такое горе. Рядом с могилой его подруги появилась новая могила, к ней приходила печальная женщина и убирала ее цветами. Однажды Сётаро обратился к ней с такими словами: «Мне жаль вас. Вы так молоды, и все же вам приходится посещать это унылое место». Женщина, обернувшись к нему, ответила: «Каждый вечер, когда я прихожу сюда, вы уже здесь. Верно, и вы потеряли дорогого вам человека. Я понимаю, каково вам сейчас, и мне делается еще более грустно». И, сказав так, женщина горько заплакала.

Сётаро сказал: «Да, это правда. Десять дней назад я потерял любимую подругу. Теперь мне не на что больше надеяться, и единственное утешение, которое мне еще осталось, — это приходить на ее могилу. Но ведь и вы, вероятно, такая же, как я». Женщина в ответ сказала: «Нет, я прихожу на могилу своего хозяина, которого очень почитала. Вот уже несколько дней, как его похоронили. Его супруга, а моя госпожа, тяжело заболела от горя, и я вместо нее приношу на могилу цветы и курительные свечи».

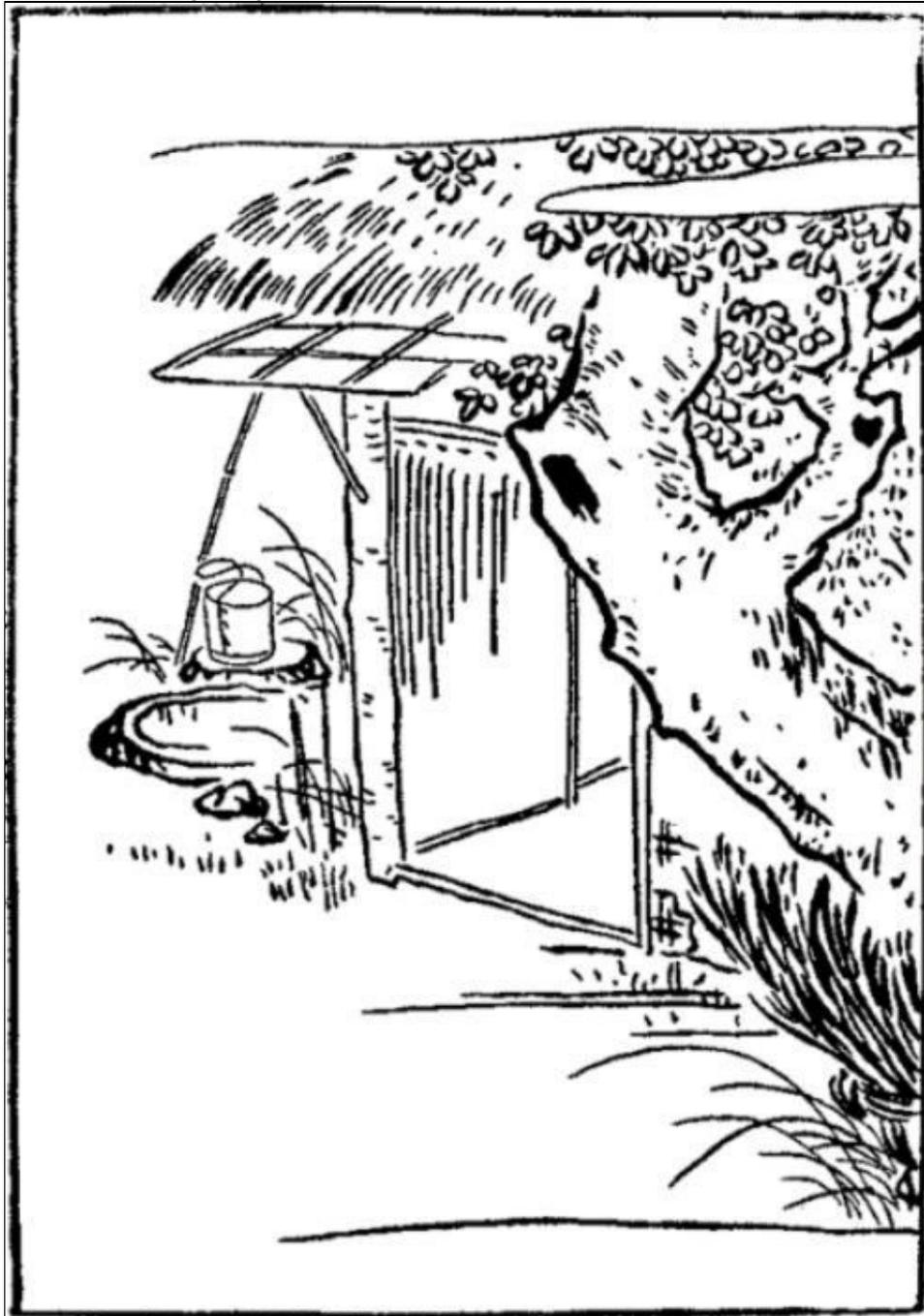
Сётаро сказал: «Я от души сочувствую вашей госпоже. Скажите, однако, кто был ваш покойный хозяин и где его дом?» Женщина ответила: «Мой хозяин был важным лицом в этой провинции, но происки недругов лишили его поместий, и он жил вон за тем полем. А госпожа моя — известная красавица, о ней знают даже в соседних провинциях. Ведь из-за нее хозяин и потерял свои земли». Услышав слова женщины, Сётаро вдруг почувствовал, будто что-то влечет его к незнакомой ему госпоже. «Значит, ваша хозяйка живет здесь поблизости? — сказал он. — Тогда я мог бы ее посетить: мы бы хоть немного утешили друг друга, поделившись своим горем». Женщина сказала: «Да, наш дом недалеко отсюда. Госпожа совсем потерялась, у нее никого нет, и я думаю, что ей будет лучше, если вы станете навещать ее. Она, наверное, будет рада видеть вас. Пойдемте же». И женщина повела Сётаро.

Пройдя примерно два тэ,^[60] они вышли на узкую тропинку и вскоре очутились в темной роще возле небольшого домика. Молодой месяц ярко озарял эту унылую хижину с бамбуковой дверью и запущенный, заросший сорной травой дворик. Сквозь щели сёдзи пробивался тусклый, печальный свет. «Подождите, пожалуйста, здесь», — сказала женщина и вошла в дом. Сётаро остался ждать у замшелого колодезного сруба. Бамбуковая дверь хижины закрылась неплотно, и при колеблющемся огоньке светильника он разглядел изящные стенные полки, покрытые старинным лаком.

Женщина скоро вернулась и сказала: «Я доложила о вас госпоже, и она изволила просить вас в дом. Она будет говорить с вами через ширму. Пойдемте, она уже приготовилась и ждет вас». Они обошли разросшийся куст и поднялись в хижину. Гостиная была пуста, приоткрытая

дверь вела из нее в следующую комнату. Там перед дверью стояла низкая ширма, из-за которой виднелся край старого одеяла. Видимо, на одеяле сидела хозяйка. Сётаро сказал, глядя на ширму: «Я узнал о вашем горе и о вашей болезни, но осмелился нарушить все правила приличия и явиться к вам, ибо и я, как вы, тоже потерял любимого человека. Я думал, что обоим нам будет легче, если мы поделимся друг с другом своим горем». Тогда хозяйка вдруг отодвинула ширму в сторону и произнесла: «Вот когда я тебя встретила, и ты теперь расплатишься за подлую жестокость!» Изумленный Сётаро глянул на нее — и что же? Перед ним была брошенная Исоё! Она была страшно бледна и жутким тяжелым взглядом смотрела на него, протянув к нему тощую посиневшую руку. Сётаро вскрикнул и повалился без памяти.

Через некоторое время он пришел в себя. Раскрыв глаза и оглядевшись, он увидел, что находится не в хижине, а в старом храме посреди пустынного поля. Там, где была ширма, возвышалась почерневшая статуя Будды.

Со всех ног бросился Сётаро бежать на далекий лай деревенских собак. Прибежав домой, он рассказал Хикороку обо всем, что с ним случилось. Хикороку выслушал его и сказал: «Все это не так уж и страшно. Это, конечно, тебя лиса обманула. Когда у человека на сердце тяжесть, им всегда овладевает дух растерянности. Ты очень слаб и сломлен горем; надо просить богов, чтобы они успокоили твою душу. Вот в деревне Тода живет один святой человек. Пойдем к нему, попросим, чтобы он очистил тебя от скверны и дал тебе какой-нибудь талисман». Утром Хикороку привел Сётаро к святому, рассказал святому, что произошло, и попросил его погадать. Святой человек погадал, подумал и сказал: «Дело страшное, беда стучится к тебе. Твоя жена отняла жизнь у женщины, но месть ее еще не утолена, и дни твои сочтены. Ты должен умереть сегодня ночью или завтра поутру. Мстящая ушла из этого мира семь дней назад, и если ты хочешь спастись, запишись в доме и сорок два дня, начиная с сегодняшнего, проведи в усердных молитвах. Если ты сделаешь так, как я тебе говорю, то сумеешь избежать опасности и сохранишь жизнь. Если же ты не слушаешь моего совета, смерть настигнет тебя». Он велел Сётаро раздеться и начертил на его спине, руках и ногах древние иероглифы. Затем он написал алой тушью на листках бумаги заклинания, передал их Сётаро и сказал: «Приклей это на двери и на окна в своем доме и молись. И смотри не ошибись, иначе навлечешь на себя беду».

Устрашенный и обрадованный Сётаро вернулся домой, наклеил бумажки с альми знаками на ворота, двери и окна и заперся в доме, усердно творя молитвы.

В полночь он услышал страшный шепот: «Проклятие на него, и здесь он наклеил гнусное заклинание!» Затем шепот смолк, и больше ничего не было слышно. Сётаро сидел, трясясь от ужаса, сетуя на то, что ночь так длинна. Когда же рассвело, он вздохнул облегченно, постучал в стену к Хикороку и рассказал ему о том, что слышал ночью. Только тогда Хикороку задумался над предостережением святого человека и решил следующую ночь провести вместе с Сётаро. Ночь эта была жуткой. Ветер гнул сосны, и казалось, что он вот-вот повалит их. Хлестал дождь. Хикороку и Сётаро, тихо переговариваясь, просидели до середины четвертой стражи, и тут за окном вдруг сверкнул красный свет и послышался ужасный сдавленный голос: «Проклятие на них, и тут заклинание!» У Сётаро и Хикороку поднялись дыбом волосы, и оба на время лишились чувств.

Так день за днем проводил Сётаро, по ночам с нетерпением ожидая рассвета, а по утрам рассказывая Хикороку, что произошло ночью. Эти дни были для него длиннее тысячелетий. Каждую ночь привидение бродило вокруг дома, изрыгая проклятия, оно поднималось даже на крышу, и ночь от ночи голос его становился все ужаснее. Наконец наступила сорок вторая ночь. «Еще только одна ночь, — думал Сётаро. — Последняя ночь!» Он молился с особым усердием, а когда в начале пятой стражи забрезжил рассвет, он словно очнулся от тяжелого сна и окликнул Хикороку. «Что случилось?» — спросил Хикороку, подойдя к стене. Сётаро сказал: «Кончилось мое затворничество, брат мой. Я давно не видел тебя, истосковался, и хочется мне рассказать, от какого страха и от каких мук освободилось теперь мое сердце. Открой же дверь и дай мне выйти наружу». — «Ну, теперь все будет хорошо, — обрадовался Хикороку. — Выходи скорее». И он приоткрыл дверь. В тот же миг услышал он пронзительный крик в доме; у него внезапно отнялись ноги, и он упал, стукнувшись задом об землю.

Придя в себя, Хикороку вскочил, схватил топор и вышел на дорогу. Рассвет едва занимался, было темно, в небе сквозь туман светила луна, дул холодный ветер. Дверь жилища Сётаро была раскрыта настежь, но самого его не было видно. Хикороку решил, что Сётаро не выходил, и заглянул в комнаты, но они оказались пустыми. Тогда Хикороку подумал, что Сётаро упал и лежит где-нибудь на дороге, бросился искать, но никого не нашел. «Что же случилось?» — подумал Хикороку с недоумением и страхом. Он зажег светильник и снова робко вошел в дом. И тут он увидел на стене у раскрытой двери свежую кровь, стекавшую на пол. Ни трупа, ни костей не было. Только что-то темное колыхалось на ветру возле карниза при свете луны. Хикороку поднял светильник и увидел, что это пучок волос. И это было все, что осталось от Сётаро. Хикороку охватил ужас. Когда стало совсем светло, он отправился на поиски по соседним полям и рощам, но вернулся ни с чем.

Обо всем, что случилось, Хикороку сообщил старикам Идзава, а те уже со слезами передали эту весть в семью Касада. Поистине вещим было предсказание котла, и не ошибся святой человек.

Жил некогда в Мивагасаки, что в провинции Кии, человек по имени Такэскэ Оя. Он был искусен в рыбной ловле, нанимал рыбаков, промыслял рыб с широкими и узкими плавниками, и семья его жила в достатке. Имел он двух сыновей и одну дочь. Старший сын Таро был прост нравом и трудился вместе с отцом. Дочь выдали за человека родом из Ямато, и она уехала к мужу. Младшего сына звали Тоёо. Был он нрава мягкого и изнеженного, любил все изящное и утонченное и нимало не помышлял о делах семьи. Отца это очень заботило, и он не знал, как с ним быть. Если выделить ему долю в хозяйстве, он сразу все разбазарит. Если отдать наследником в бездетную семью, за него придется выслушивать попреки. И отец решил: «Пусть живет как знает, пусть станет либо ученым, либо монахом. Пока я жив, пусть кормится от щедрот Таро, не будем ни к чему его принуждать». Так Тоёо стал ходить в монастырь Нати-но-Сингу, где обучался наукам у настоятеля Абэ-но-Юми-маро.

Раз в конце сентября выдался особенно погожий день, как вдруг с юго-востока надвинулись тучи, и пошел мелкий и частый дождь. Тоёо одолжил у настоятеля зонт и отправился домой, но, едва он дошел до холма, с которого открывался вид на сокровищницу храма Асука, дождь полил сильнее, и Тоёо забежал в первую попавшуюся рыбацкую хижину. Престарелый хозяин принял его с почтительными поклонами. «Да никак это сын нашего господина! — сказал он. — Спасибо, не побрезговали моим нищим жильем. Позвольте предложить вам присесть». И старик принялся отряхивать от пыли грязный дзабутон^[61]. «Право, не беспокойся, — ответил Тоёо, усаживаясь. — Я ведь к тебе ненадолго». В это время со двора донесся нежный голос: «Позвольте переждать дождь под вашей крышей». С этими словами в хижину вошла женщина, и Тоёо в изумлении на нее уставился. Лет ей было не больше двадцати, лицом прекрасна и с изящной прической, в шелковом кимоно, украшенном изображениями горных пейзажей. И была при ней опрятного вида девочка-служанка, которая несла какой-то сверток. Обе они насквозь промокли и выглядели весьма плачевно. Увидев Тоёо, женщина покраснела, и в смущении своем она была так благородна и изящна, что у Тоёо сильно забилося сердце. Он подумал: «Если бы эта прекрасная дама жила где-нибудь поблизости, я бы не мог не услышать о ней. Верно, она из столицы, приехала на поклонение в монастырь Нати, и дождь застиг ее во время прогулки по берегу. Как, однако же, она неосторожна, что гуляет одна, без мужчины». Подумав так, Тоёо подвинулся и сказал: «Пожалуйста, подойдите и садитесь. Дождь, наверное, скоро пройдет».

Женщина, поблагодарив, села рядом с ним на дзабутон. В хижине было тесно, и они сидели, почти касаясь друг друга. Вблизи она показалась Тоёо еще прекраснее. Невозможно было представить себе, чтобы женщина нашего брэнного мира была так красива. Тоёо почувствовал, что сердце его вот-вот выпрыгнет у него из груди. Он сказал: «Я вижу, вы — благородная дама. Объясните же, что привело вас на наши пустынные берега, где бушуют свирепые волны? Вы явились на поклонение в монастырь Нати? Или, может быть, вам захотелось посетить горячие источники в горах? Ведь это о здешних местах сказал древний поэт:

Неужели в пути
Здесь меня дождь застанет?
У переправы Сано,
Возле Мивагасаки,^[62]
Хижины нет ни одной.

Поистине эти стихи были сложены в день, подобный сегодняшнему. Ну что же, дождь вы можете спокойно переждать здесь. Это жилище неказисто, но оно принадлежит человеку, которому мой отец оказывает покровительство. Да, где вы изволили остановиться? Я не осмеливаюсь просить разрешения проводить вас, ибо вы сочтете это неприличным, но прошу вас, возьмите хотя бы мой зонтик».

Женщина ответила: «Вы очень любезны. Мне даже кажется, будто ваше горячее участие высушило мою промокшую одежду. Но вы ошибаетесь, я вовсе не из столицы. Я давно уже живу в этих местах. Сегодня была такая хорошая погода, что я решила сходить на поклонение в Нати. Нежданный дождь напугал меня, и я поспешила укрыться в этой хижине. Поверьте, я и не подозревала, что увижу вас здесь. Ну вот, дождь прекратился. Мне пора идти. Мой дом здесь неподалеку». Тоёо попытался удержать ее. «Дождь ведь еще не совсем прошел, — сказал он. — Возьмите хотя бы мой зонтик, потом, при случае, вернете. Где вы изволите проживать? Я пришлю слугу». — «Возле монастыря спросите дом Манаго Агата, вам покажут. Вот и солнце садится. Разрешите поблагодарить вас за доброту, я охотно воспользуюсь вашей любезностью». С этими словами женщина, взяв зонтик, удалилась. Тоёо провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду, а затем одолжил у старика хозяина соломенную накидку и вернулся домой. Образ женщины все стоял перед его глазами; он долго не мог заснуть и забылся только на рассвете. Приснилось ему, будто он отправился к Манаго. Дом ее был огромен и выглядел величественно; ворота были забраны решеткой и завешены бамбуковыми шторами. Манаго сама встретила его. «Я не забыла о доброте вашей, — сказала она, — и ждала вас с любовью. Прошу вас, заходите». И она провела его в комнаты и стала потчевать вином и всевозможными фруктами. Затем, опьянев от вина и радости, они легли на одно ложе. Но тут взошло солнце, и Тоёо проснулся.

«Если бы это было наяву!» — подумал Тоёо. Сердце его сильно билось. Забыв о завтраке, он словно в тумане вышел из дому. В деревне возле монастыря он спросил, где находится дом Манаго Агата, но никто не мог ему ответить. Минул полдень, а Тоёо все ходил по деревне и спрашивал. И вдруг он увидел девочку-служанку, которая вчера сопровождала Манаго. Он необычайно обрадовался и остановил ее: «Где же ваш дом, девочка? Я ведь пришел за зонтиком!» В ответ служанка сказала с улыбкой: «Как хорошо, что вы пришли! Пожалуйста за мной». Она поспешила вперед и через некоторое время сказала: «Здесь». Тоёо увидел высокие ворота и огромный дом. Все, даже бамбуковые шторы на воротах, было точно такое же, как во сне. «Как странно!» — подумал Тоёо и вошел.

Служанка вбежала в дом. «Хозяин зонтика искал вас, и я его привела», — крикнула она. «Где он? Пригласи его сюда», — с этими словами навстречу Тоёо вышла Манаго. Тоёо сказал: «Неподалеку отсюда живет мой наставник господин Абэ. Я обучаюсь у него уже несколько лет. Сегодня по пути к нему я решил зайти к вам за зонтиком. Теперь я знаю, где вы живете, и когда-нибудь зайду еще раз». Но Манаго, не давая ему выйти, сказала служанке: «Мароя, не выпускай его!» И служанка, вцепившись в него, объявила: «Вы настояли на том, чтобы мы взяли ваш зонтик, а мы настоим на том, чтобы вы немного погостили у нас». Подталкивая сзади, она провела его в южную комнату. Там пол был застлан циновками, стояла красивая ширма, висели картины старинных мастеров. Сразу было видно, что дом принадлежит людям не подлого звания.

Манаго, войдя вслед за Тоёо, сказала: «По некоторым причинам в этом доме сейчас никто не живет, и мы не можем угостить вас как подобает. Так позвольте предложить вам простого вина». Мароя подала закуски и фрукты в вазах и на блюдах и вино в фарфоровых бутылках и глиняных кувшинах и наполнила чашки. «Уж не сон ли этоопять? — подумал Тоёо. — Жаль было бы проснуться!»

Однако все было наяву, и это показалось Тоёо еще более странным.

Когда и гость и хозяйка опьянели, Манаго подняла чашку с вином и, обратив к Тоёо свое лицо, прекрасное, как отражение в чистой воде ветки цветущей вишни, заговорила нежным голосом, каким поет соловей в листве, колеблемой весенним ветром: «Не стану я оскорблять богов, тая от вас постыдную слабость. Только не принимайте мои слова за ложь или за шутку. Я родилась в столице, но вскоре отец и мать покинули меня. Воспитывалась и выросла я у кормилицы. Затем меня взял замуж некий Агата, чиновник при правителе этой провинции, и я прожила с ним три года. Этой весной он оставил службу и вдруг занемог и скончался, покинув меня одну в целом свете. Я справилась о кормилице, но мне сообщили, что она постриглась в монахини и отправилась странствовать. Значит, никого не осталось у меня и в столице.

Пожалейте же меня! Вчера, когда мы вместе прятались от дождя, я тотчас же поняла, какой вы добрый и нежный человек, и захотела принадлежать вам до конца дней своих, быть вашей супругой. Так не отталкивайте меня, и закрепим навечно наш союз вином из этих чашек!»

Лишь об этом и мечтал Тоёо после вчерашнего дня, душа его была охвачена любовным смятением, и он весь с головы до ног задрожал от радости. Но он тут же вспомнил, что не волен распоряжаться собой, и при мысли о том, что придется просить дозволения у родителей и у старшего брата, радость его померкла и его охватил страх. Он не мог вымолвить ни слова в ответ. Тогда Маного смутилась и сказала: «По женскому легкомыслию я говорила глупости, и мне стыдно, что нельзя взять обратно свои слова. Как могла я, бессовестная, навязываться вам, тогда как мне давно уже следовало бы утопиться в море! И хотя мое признание — не ложь и не шутка, прошу вас, будем считать, что оно подсказано мне вином, и поскорее забудем об этом».

Тоёо сказал: «Значит, я не ошибся, когда с самого начала узнал в вас благородную даму из столицы. Я вырос на диком берегу, к которому даже киты подплывают без опасения, так судите же сами, какой радостью были для меня ваши слова! На ваше признание я не ответил только потому, что не волен в своих поступках. Мою жизнь направляют отец и старший брат, и, кроме собственных волос, ничего своего у меня нет. Сегодня я впервые с прискорбием думаю об этом,

так как не в состоянии преподнести вам достойные подарки. Но если вы снисходите до меня, я готов служить вам без оглядки. Ведь даже Конфуций, говорят, забыл ради любви и сыновний долг, и самого себя». — «Я тоже бедна, но приходите хотя бы иногда побыть со мною. А сейчас примите от меня этот меч. Мой муж не расставался с ним и говорил, что другого такого меча нет на свете». С этими словами она протянула Тоёо великолепный старинный меч, необычайно острый, отделанный золотом и серебром. Отказаться от первого подарка было бы дурным предзнаменованием; Тоёо принял меч и собрался уходить. Маного пыталась удержать его. «Останьтесь до утра», — просила она. Но он сказал: «Отец будет бранить меня, если я без разрешения проведу ночь вне дома. Завтра я как-нибудь обману его и приду к вам под вечер».

В эту ночь Тоёо опять долго не мог сомкнуть глаз и уснул лишь на рассвете. Между тем его старший брат Таро встал рано, чтобы выбрать сети. Проходя мимо спальни Тоёо, он мельком заглянул в дверную щель и вдруг увидел, что в изголовье постели лежит меч, сверкающий под слабым огоньком светильника. «Странно! Где он раздобыл это?» — с беспокойством подумал Таро. Он с шумом раскрыл дверь. Тоёо сейчас же проснулся и, увидев старшего брата, сказал: «Вы звали меня?» — «Что это блеснит у тебя в головах? — спросил Таро. — Дом рыбаков — не место для такой ценной вещи. Отец увидит и крепко накажет тебя». Тоёо ответил: «Эта вещь мне ничего не стоила. Ее мне подарили». — «Да где это найдется в наших местах человек, который раздаривает драгоценности? — сказал сердито Таро. — Ты тратил деньги на китайские книги, в которых ничего не понять, — пусть, я молчал, потому что отец молчал. Но теперь ты купил еще и этот меч, — захотелось тебе, верно, красоваться с ним на храмовых праздниках! Да ты что, с ума спятил?» Отец услышал громкий голос Таро и крикнул: «Что он натворил, этот бездельник? Ну-ка, пошли его ко мне, Таро!» — «И где он только купил его? Хорошо ли тратить деньги на ценные вещи, которые под стать разве князьям и военачальникам? Призовите его к себе и строго взыщите. Я бы сделал это и сам, но мне пора выбирать сети». И Таро ушел.

Тоёо позвала мать и сказала: «Зачем ты купил такую вещь? Ты же знаешь, что и рис и деньги в нашем доме принадлежат Таро. У тебя же ничего своего нет. До сих пор тебе давали полную волю, но где во всем мире найдешь ты пристанище, если Таро на тебя рассердится? Ты ведь изучаешь книги, как же ты не понимаешь всего этого?» Тоёо ответил: «Говорю вам правду, я не купил эту вещь. Мне подарила ее при встрече одна особа. И незачем было брату ругать меня». — «Да за какие же это заслуги тебя наградили такой драгоценностью? — закричал отец. — Как ты смеешь врать? Говори правду, сейчас же!» — «Мне стыдно рассказывать об этом прямо вам, — сказал Тоёо. — Разрешите передать через кого-нибудь». — «Кому же ты хочешь рассказать то, что стыдно открыть родителям и брату?» — в гневе спросил отец, но тут вмешалась жена Таро. «Позвольте мне поговорить с ним, — сказала она. — Ступай в мою комнату, Тоёо». Она успокоила свекра и последовала за Тоёо к себе.

Тоёо сказал ей: «Если бы брат не заметил меч, я и сам потихоньку пришел бы к вам попросить вашего совета. А тут меня сразу принялись ругать. Меч же этот мне подарила одна беззащитная одинокая женщина и попросила моего покровительства. Но что могу сделать я, бедный нахлебник, без разрешения? Мне угрожает изгнание из родительского дома, и я уже горько раскаиваюсь, что был у той женщины. Пожалейте меня, сестра, помогите мне!» Невестка ответила, смеясь: «Мужчина, который ложится в постель один, всегда вызывает жалость. Ничего, не беспокойся. Я постараюсь все устроить». В ту же ночь она рассказала все Таро и добавила: «Разве это не счастье для твоего брата? Поговори же хорошенько с отцом».

Таро нахмурился. «Странно, однако же, — сказал он. — Мне не приходилось слышать, чтобы среди чиновников правителя был какой-нибудь Агата. Наш отец — старшина деревни, и мы не могли бы не знать о смерти такого человека. А ну, принеси-ка сюда этот меч!» Жена принесла меч, и Таро, внимательно его осмотрев, сказал после долгого молчания: «Случилось

недавно страшное

дело. Господин министр из столицы в благодарность за то, что боги ниспослали ему просимое, преподнес храму Конгэн богатые дары. И что же? Эти дары внезапно исчезли из сокровищницы храма неизвестно куда. Настоятель храма пожаловался правителю провинции, и правитель изволил отдать приказ отыскать и схватить вора. Как я слышал, помощник правителя Бунъя-но-Хироюки прибыл к настоятелю и сейчас совещается с ним. Меч же этот никак не мог принадлежать чиновнику. Пойду и покажу его отцу». И он отправился к отцу и сказал: «Случилось такое-то и такое-то страшное дело. Как нам поступить?»

Выслушав Таро, отец посинел от страха. «Вот ведь беда на наши головы! — воскликнул он. — Никто из нас в жизни ничего не крал, так за какие же наши грехи внушено было ему такое недоброе дело? Если это дойдет до правителя со стороны, всем нам, наверное, придет конец. И ради наших предков и наших потомков да не будет у нас жалости к преступному сыну! Завтра же донеси на него!»

Дождавшись рассвета, Таро поспешил к настоятелю храма, все рассказал и показал ему меч. Настоятель сказал с изумлением: «Да ведь это меч из даров господина министра!» Тогда помощник правителя объявил: «Надо взять преступника и выяснить, где остальное». Он велел Таро показать дорогу и послал с ним десять стражников. Тоёо, ничего не подозревая, сидел над своими книгами, как вдруг ворвались стражники и навалились на него. «За что?» — вскричал он, но стражники не ответили и крепко его связали. Отец, мать, Таро и его жена не знали, куда деваться от стыда и горя. «По приказу правителя! Шагай живее!» — с этими словами стражники окружили Тоёо и погнали его в храм.

Помощник правителя, строго глядя на Тоёо, сказал: «Ты обокрал сокровищницу храма. Это неслыханное преступление против законов государства. Куда ты спрятал уворованное? Говори точно и ясно!» Только теперь Тоёо понял, почему его схватили, и, заливаясь слезами, ответил: «Я никогда ничего не крал. Меч я получил при таких-то и таких-то обстоятельствах. Вдова Агата говорила мне, что этот меч принадлежал ее покойному мужу. Сейчас же потребуйте ее сюда, и вы убедитесь в моей невиновности». Помощник правителя разгневался. «Среди моих чиновников не было никакого Агата! — крикнул он. — Ты лжешь и этим только отягчаешь свою вину!» — «На что мне так лгать, если я в вашей власти? — возразил Тоёо. — Ведь я прошу вас только, чтобы вы призвали сюда эту женщину». Тогда помощник правителя приказал страже: «Отыскать дом этой Манаго Агата. Взять ее».

Стражников повел Тоёо. Странное зрелище открылось ему, когда они подошли к дому Манаго. Некогда крепкие столбы ворот совершенно прогнили, черепицы крыши растрескались и обвалились, двор зарос сорной травой. Видно было, что в этом доме давно уже никто не живет. Тоёо смотрел и не верил глазам своим. Стражники обошли окрестности и согнали к дому соседей. Соседи — старый лесоруб, мельник и еще несколько человек, — дрожа от страха, расселись перед домом.

Стражники спросили их: «Кто жил в этом доме? Правда ли, что сейчас здесь живет вдова некоего Агата?» Вперед выполз старый кузнец и сказал: «Такого имени нам слышать не приходилось. Года три назад жил в этом доме богатый человек по имени Сугури. Он отплыл с товарами на Цукуси^[63], да так и пропал без вести. Домочадцы его разбрелись кто куда, и с тех пор в доме никто не живет. Правда, наш сосед-красильщик рассказывал, что вот этот человек вчера заходил сюда, побыл немного и ушел». — «Раз так, надо все хорошенько осмотреть и доложить господину», — решили стражники. Они распахнули ворота и вошли.

Внутри запустение было еще страшнее, чем снаружи. За воротами оказался обширный сад, мрачный и унылый. Вода в его прудах высохла, засохли водоросли и водяные цветы, в буйных зарослях дикого тростника лежала огромная сосна, поваленная ветром. Когда раздвинули

створки парадного входа, из дома пахнуло такой тухлятиной, что все в испуге остановились и попятились назад. Тоёо только плакал, всхлипывая. Тогда один из стражников храбрец Кумагаси Косэ сказал: «Идите за мной!» И двинулся вперед, грубо стуча ногами по дощатому полу. Всюду было на вершок пыли. На полу, покрытом мышинным пометом, сидела за ширмой женщина, прекрасная, как цветок. Кумагаси, приблизившись к ней, сказал: «Приказ правителя. Отправляйся с нами не мешкая». Женщина не пошевелилась и не ответила, и Кумагаси уже протянул руку, чтобы схватить ее, как вдруг раздался ужасающий грохот, словно расколослась земля. Никто не успел даже подумать о бегстве, все попадали с ног. Когда они пришли в себя, женщины нигде не было.

В токонома^[64] что-то блестело. Стражники боязливо подошли ближе и поглядели. Там были сокровища, похищенные из храма, — знамена из китайской парчи, узорчатые ткани, гладкие шелка, щиты, копья, колчаны. Забрав все с собой, стражники вернулись к помощнику правителя и подробно доложили о странном происшествии в доме. Помощник правителя и настоятель поняли, что дело это — козни оборотней, и больше Тоёо не допрашивали. Тем не менее его признали виновным. Он был препровожден в замок правителя и брошен в темницу. Богатыми приношениями отец и старший брат искупили вину Тоёо, и через сто дней его выпустили на свободу. Тогда он сказал: «Мне стыдно смотреть людям в глаза. Позвольте мне уехать в Ямато и пожить немного у сестры». — «Пожалуй, после всего, что случилось, ты можешь и заболеть, — согласились родители. — Поезжай и погости там несколько месяцев». И Тоёо отправился в сопровождении верного человека.

Сестра жила в городе Цуба. Она была замужем за торговцем Канэтада Танабэ. Супруги оба обрадовались приезду Тоёо. Зная о его злключениях, они жалели его, обращались с ним ласково и уговаривали остаться у них навсегда. Наступил Новый год, пришел февраль. Город Цуба находился неподалеку от храма Хасэ. Храм этот пользовался особыми милостями Будды, слава о нем, как говорили, дошла даже до Китая, и множество паломников стекалось к этому храму из столицы и из деревень. Больше всего их было весной. Все паломники останавливались в городе, в каждом доме пускали на ночлег путников.

Танабэ торговал фитилями для храмовых светильников, поэтому в его лавке всегда было полно покупателей. И вот однажды в лавку зашла необычайно изящная женщина с девочкой-служанкой. Видимо, пришла она на поклонение из столицы. Женщина спросила белил и благовоний, и вдруг служанка, поглядев на Тоёо, воскликнула: «Да ведь здесь наш господин!» Удивленный Тоёо взглянул — это были Манаго и Мароя. «Пропал, пропал совсем», — проговорил он в страхе и спрятался в комнаты в глубине дома. «Что это с тобой?» — спросила его сестра, и он ответил: «Явились те самые оборотни! Не подходите к ним!» Он все метался по дому, ища места, где бы спрятаться, а сестра и ее муж в недоумении спрашивали: «Да где они? Кто они?»

Тут вошла Манаго и сказала: «Прошу вас, не пугайтесь! И ты не бойся, муж мой! Подумай, как тосковала я, когда ты попал в беду по моей вине, как я искала тебя, как желала объяснить тебе все и утешить тебя! И как я рада, что зашла в этот дом и теперь снова вижу тебя! Господин хозяин, пожалуйста, выслушайте меня! Если бы я была каким-нибудь оборотнем, разве могла бы я появиться в ясный полдень среди такого множества людей? Взгляните, вот стежки на моей одежде, вот моя тень от солнца^[65]. Поймите же, что я говорю правду, и перестаньте сомневаться во мне!»

Тоёо, собравшись наконец с духом, сказал: «Не лги, ты вовсе не человек. Когда стражники взяли меня и я привел их к тебе, мы все своими глазами видели, что ты сидела одна в своем доме, который за одну ночь пришел в ветхость и запустение и сделался похожим на обиталище

злых духов, а когда тебя хотели схватить, с безоблачного неба ударил гром и ты исчезла бесследно. Зачем ты преследуешь меня? Прочь отсюда! Сгинь!»

Маного со слезами на глазах ответила: «Да, конечно, ты вправе так думать. Но погоди, выслушай меня! Узнав, что тебя взяли под стражу, я обратилась за советом к преданному мне старику соседу. Он быстро устроил так, что дом принял запущенный вид, а грохот, который ты услышал, когда меня хотели схватить, учинила Мароя. Потом я наняла корабль и уплыла в Нанива. Но я терзалась беспокойством за тебя и решила помолиться в здешнем храме о встрече с тобой. Бесконечной милостью Будды храма Хасэ мое желание исполнилось, счастливая встреча свершилась. Да разве под силу было бы мне, слабой женщине, обокрасть храмовую сокровищницу? Это сделал мой прежний муж, человек с недоброй душой. Пойми же меня, прими хоть каплю любви, которой полно мое сердце!» Так сказала она и горько заплакала.

Тоёо то сомневался, то жалел ее и не мог сказать ни слова. Однако рассказ Маного все объяснил, и она была так прекрасна и беззащитна, что супруги Канэтада сказали без колебаний: «Тоёо наговорил здесь невесть какие страхи; этого, разумеется, не было и быть не могло. И подумать только, какой долгий путь заставило вас свершить ваше любящее сердце! Нет уж, хочет Тоёо или не хочет, но вы должны остаться у нас». И они проводили ее в отдельную комнату.

После этого прошел один день и второй день. Маного, всячески ласкаясь к супругам Канэтада, взывала к их участию. Сила ее чувства тронула их; они принялись уговаривать Тоёо, и в конце концов брачная церемония свершилась. Тоёо тоже

отошел душой за эти дни, прелесть Маного его восхищала. А когда обменялись они клятвами в верности вечной, стал ненавистен им утренний колокол храма Хасэ, что гонит тяжелые тучи, осевшие на ночь на склонах гор Кацураги и Така-ма, и сетовали они на то, что длинен день и слишком медленно близится миг, когда вновь они смогут соединиться на ложе.

Так шло время, и наступил март. Канэтада сказал Тоёо и его супруге: «Славно сейчас в Йосино. Не так, может быть, как в столице, но веселее, чем в наших местах. Весной это поистине „йосино" — „долина счастья". Горой Мифунэ и рекой Нацуми можно любоваться круглый год, и все не надоест, а сейчас они особенно прекрасны. Собирайтесь, поедem туда!»

Маного, улыбнувшись, ответила: «Даже жители столицы сетуют, что не дано им любоваться видами Йосино. Ведь „добрые люди хвалой отзывались", как сказано в „Манъёсю"^[66]. Но я с детских лет всегда тяжело болела в многолюдстве и в дальнем пути и потому, к сожалению, с вами поехать не могу. Отправляйтесь без меня и непременно привезите мне подарки». — «Заболеешь, наверное, если много ходишь пешком, — возразил Канэтада. — Что ж, хоть и нет у нас колесницы, но мы позаботимся о том, чтобы в пути тебе не пришлось ступить ногою на землю. Смотри, если ты не поедешь, Тоёо будет тосковать и беспокоиться». Тоёо тоже сказал: «Все так добры к тебе, ты должна ехать с нами, даже если тебе станет плохо». И Маного пришлось отправиться вместе со всеми. Ярко и красиво были разодеты люди в Йосино, но ни одна женщина не была так прекрасна и изящна, как Маного.

Они посетили монастырь, с которым дом Канэтада давно уже состоял в дружеских отношениях. Настоятель встретил их приветливо. «Этой весной вы приехали слишком поздно, — сказал он. — Уже и цветы осыпаются, и соловьи отпели. Впрочем, я покажу вам красивые места». И он накормил гостей вкусным, сытным ужином.

На рассвете небо было закрыто туманом, но вскоре прояснело. Храм стоял на возвышенности, и были хорошо видны разбросанные там и сям домики монахов. Воздух наполнился щебетанием горных птичек, цветущие роци и цветущие луга мешались между собой. Даже сердца местных жителей пробуждались к радости.

Тем, кто приезжал в Йосино впервые, прежде всего показывали водопад. Туда и

отправились в сопровождении проводника Канэтада и Тоёо с женами. Они долго шли, спускаясь ущельями. С шумом, похожим на стоны, катился водопад на каменные плиты возле развалин старинного дворца. В прозрачном потоке мелькали, стремясь против течения, маленькие форели. Налюбовавшись ими, путники раскрыли коробочки с едой и принялись закусывать, весело беседуя.

В это время на горной тропинке появился какой-то человек. Был это старик, седой как лунь, но еще крепкий телом. Он приблизился к водопаду, увидел путников и остановился, с удивлением вглядываясь. Манаго и Мароя сейчас же повернулись к нему спиной, делая вид, будто не замечают его. Старик долго смотрел на них и наконец пробормотал: «Странно, для чего этим оборотням понадобилось дурачить людей? И как смеют они оставаться перед моими глазами?» Едва он произнес это, как Манаго и Мароя вскочили и стремглав бросились в водопад. Вода закипела и в клубах пара поднялась к небу; собрались тучи, черные как тушь, и спутанными струями хлынул дождь.

Старик успокоил перепуганных людей и отвел их в деревню. Еле живые Канэтада с женой и Тоёо забились под карниз бедной хижины. Старик, обратившись к Тоёо, сказал: «Вижу по лицу твоему, что это тебя изводил тот оборотень. Если бы не я, ты бы погиб. Будь же впредь осторожнее». Тоёо, распростершись ниц, рассказал все, как было, и стал жалобно просить: «Спасите меня, спасите!»

Старик сказал: «Сей оборотень есть древняя змея. Нравом она весьма распутна: совокупляясь с быком, родит на свет единорога, а случаясь с жеребцом — порождает змиеконя. Видимо, твоя красота распалила ее, и если ты не остережешься, она выпьет из тебя жизнь». Тоёо и Канэтада с женой решили, что перед ними сам бог Тоцу,^[67] и склонились с молитвами. Но старик, засмеявшись, сказал: «Я не бог. Я всего лишь старый Кибито Тагима из храма Ямато. Пойдемте, я провожу вас домой». И они последовали за ним.

На следующее утро Тоёо отправился в храм Ямато. Он почтительно приветствовал старика, преподнес ему дары: три куска шелка и две штуки полотна — и смиренно попросил очищения от скверны. Старик дары принял и роздал их служителям храма, ничего себе не оставив. Затем он сказал Тоёо: «Ты возбудил в ней похоть своей красотой, и потому она тебя преследует. Но и в твоём сердце нет покоя, ибо ты пленился ее нынешним обликом. Если ты скрепишься духом и успокоишься, то не нужна будет тебе моя помощь, чтобы отделаться от этих оборотней. Постарайся же изгнать ее образ из своего сердца». Выслушав поучения старика, Тоёо почувствовал, будто очнулся от долгого сна, поблагодарил его, вернулся к Канэтада и сказал: «В том, что меня опутали оборотни, виновата моя несправедливая душа. Мне нельзя больше пренебрегать своим долгом перед родителями и братом и оставаться нахлебником в вашем доме. И хотя доброта ваша ко мне поистине не имеет границ, я должен покинуть вас». И он вернулся домой в провинцию Кии.

Выслушав рассказ Тоёо, отец, мать и Таро с женой поняли, что он ни в чем не виноват. Им было жалко его, а упорство оборотней внушало им страх. Конечно же, все это случилось потому, что Тоёо не женат. И они решили женить его. В деревне Сиба жил человек по имени Сёдзи Сибано. У него была дочь, отданная в услужение во дворец. Срок службы ее истек, и

Сёдзи послал к Оя посредников просить Тоёо к себе в зятя. Дело было доброе, быстро заключили брачный договор.

Отправили в столицу посылного за невестой. Невеста — звали ее Томико — вернулась домой с радостью. Она прослужила во дворце несколько лет, поэтому манеры у нее были изящные, да и собой она была хороша. При встрече Тоёо остался ею доволен, хотя и не раз вздохнул, вспоминая о том, как любила его змея. В первую ночь ничего не случилось, и говорить об этом не стоит.

Когда же настала вторая ночь, Тоёо, изрядно подвыпив, стал дразнить жену: «Ну что, не противна тебе деревенщина после жизни в столице? Ах ты, бессовестная! Небось во дворце делила ложе с принцами и князьями?» Вдруг Томико, взглянув ему в лицо, сказала: «Нет, это ты бессовестный! Ты забыл старую клятву и даришь любовь недостойной дурнушке!» Голос несомненно принадлежал Манаго. Это она была рядом с ним в новом обличье. Тоёо помертвел, волосы его стали дыбом, и он не мог произнести ни слова. Женщина продолжала с улыбкой: «Не удивляйся, муж мой! Слишком быстро ты забыл клятву, данную мне перед морями и горами, но я-то всегда помнила и вот пришла к тебе. А если ты слушаешься чужих людей и будешь пытаться отделаться от меня, я жестоко отомщу тебе. Высоки горы Кидзи, но кровь твоя прольется с их утесов и затопит долины. Страшной смертью умрешь ты». Тоёо только трясся от страха и в душе прощался с жизнью. Тут из-за ширмы вышла Мароя и сказала: «Господин мой, что с вами? Почему вы не радуетесь своему счастью?» Увидев ее, Тоёо совсем обессилел, закрыл глаза и уткнулся лицом в пол. Ни уговоры, ни угрозы больше не трогали его, и в таком положении, словно мертвый, он оставался до утра.

А утром, выбравшись из спальни, он прокрался к Сёдзи и, оглядываясь, шепотом рассказал: «Случилось такое-то и такое-то страшное дело. Пожалуйста, придумайте, как мне спастись». Сёдзи и его супруга слушали, побледнев от горя и ужаса, затем Сёдзи сказал: «Что же нам делать? Вчера неподалеку отсюда в горном монастыре остановился один монах из столичного храма Ку-рама. Он каждый год ходит на поклонение в Ку-мано, и в нашей деревне его знают и почитают. Говорят, он обладает большой духовной силой, умеет заговаривать чуму, злых духов и саранчу. Давай пригласим его». Спешно послали за монахом, и он явился. Когда ему рассказали, в чем дело, он гордо объявил: «Мне ничего не стоит справиться с этими червями. Прошу только не шуметь». Он сказал это так уверенно, что все сразу успокоились.

Монах распустил в воде красный мышьяк, наполнил им пузырек и направился к спальне. Люди в страхе попрятались кто куда, а монах говорил, посмеиваясь: «Куда же вы? Оставайтесь здесь все, старые и малые! Сейчас я захвачу эту змею и покажу вам!» Но едва он отодвинул дверь спальни, как оттуда навстречу ему высунулась змеиная голова. Какая же она была громадная! Она заполняла всю дверь и сверкала белизной, словно снежный сугроб под солнцем. Глаза ее были как зеркала, рога — как высохшие деревья, огромная пасть была разинута на три сяку^[68], и из нее высывалось кроваво-красное жало. Одного глотка хватило бы ей, чтобы покончить с монахом. «Аная!» — закричал монах. Рука его разжалась и выронила пузырек, ноги подкосились, он опрокинулся на спину и из последних сил ползком выкарабкался из дома. «Страх какой! — проговорил он. — Когда беду насылают боги, разве может что-нибудь сделать монах? Только руки и ноги спасли меня, иначе я бы погиб!» И с этими словами он потерял память. Его пытались привести в чувство, но его лицо и тело покрылись красными и черными пятнами, и он весь горел, как в огне. Видно, ядовитое дыхание змеи обдало его. Пытался он что-то сказать, но только вращал глазами и не мог произнести ни звука. Облили его водой, но ничто не помогло. Он умер.

Гибель монаха всех ошеломила; люда думали, что наступил их последний час, и плакали от

страха. Тоёо, немного успокоившись, сказал: «Даже мудрый монах не смог укротить змею. Обратни упорны в своем намерении завладеть мною, и в этом мире мне от них не скрыться. Нельзя, чтобы из-за меня одного гибли и мучились люди. Больше не старайтесь мне помочь и не горюйте обо мне». И он направился к спальне. «Ты что, с ума сошел? — закричали ему вслед домочадцы Сёдзи, но он даже не обернулся. Когда кто-то потихоньку приоткрыл дверь и заглянул в спальню, там было тихо. Тоёо и Томико спокойно сидели друг против Друга.

Томико сказала ему: «В чем моя вина, что ты подговаривал людей схватить меня? Если ты и впредь будешь воздавать мне злом за любовь, я уничтожу не только тебя, но и всех до единого жителей этой деревни. Изгони же из сердца дурные помыслы и вспомни лучше, как сладко любить меня!» С этими словами она принялась ласкаться к нему. Тоёо, содрогаясь от отвращения, сказал: «Слышал я такую пословицу — человек не всегда хочет убить тигра, зато тигр всегда жаждет крови человека. Сердце у тебя не человеческое, а твоя любовь причинила мне уже много горя. Ты злобна и мстительна, за неосторожное слово ты можешь обрушить на меня страшную кару. Но если ты действительно любишь меня, как любят люди, нам нельзя оставаться здесь и держать в страхе хозяев этого дома. Пощади только жизнь Томико, и я готов уехать с тобой, куда ты пожелаешь». Она в ответ обрадованно кивнула. Тоёо вышел из спальни и сказал Сёдзи: «Это гнусное чудовище не отстанет от меня, поэтому я не могу оставаться у вас и подвергать людей опасности. Отпустите меня, пока не поздно, надо спасти Томико». Но Сёдзи не согласился. «Я все-таки из рода самураев, — сказал он. — Мне будет стыдно перед Оя, если я ничем не помогу его сыну. Попробуем сделать вот что. Есть в храме Додзё в Комацубара настоятель Хо-кай, человек великой святости. Теперь он уже стар и не покидает своей кельи, но мне он не откажет. Так или иначе он нам поможет». И, вскочив на коня, Сёдзи помчался в Комацубара.

Дорога была дальняя, и Сёдзи добрался до храма только в полночь. Дряхлый настоятель выполз из опочивальни, выслушал Сёдзи и сказал: «Скверное у вас получилось дело. Я, как видишь, совсем одряхлел и не знаю, есть ли во мне теперь прежняя сила духовная. Однако сидеть сложа руки, когда у тебя дома такое несчастье, я не могу. Сейчас ты вернешься домой, а я буду вслед не замешкав». Он достал пропахшую горчицей рясу и протянул ее Сёдзи со словами: «Подкрадись незаметно к чудовищу, накрой его с головой и держи крепко. Да смотри, будь осторожен, оно может удрать. И все время читай молитвы». Сёдзи в радости помчался домой. Подозвав тайком Тоёо, он подробно все объяснил и передал ему рясу. Тоёо спрятал ее за пазуху и пошел в спальню.

«Сёдзи меня отпустил, — сказал он. — Мы можем ехать». Едва Томико обрадованно на него взглянула, как он выхватил рясу, накрыл ее с головой и изо всех сил навалился на нее. «Больно, больно! — закричала она. — За что ты меня мучаешь? Мне тяжело, отпусти меня!» Но он сжимал ее под рясой все крепче и крепче.

Наконец прибыл в паланкине настоятель Хокай. Домочадцы Сёдзи извлекли его из паланкина, и он проследовал в спальню. Бормоча про себя молитвы, он отстранил Тоёо и поднял рясу. Томико была без памяти, а у нее на груди неподвижно лежала, свернувшись в кольцо, белая змея в три сяку длиной. Дряхлый настоятель схватил змею и сунул в железный горшок, который поднес ему служка. Затем он опять сотворил молитву, и тогда из-за ширмы выползла маленькая змея в один сяку. Настоятель подхватил ее и тоже сунул в горшок, после чего тщательно закутал горшок в рясу. Так, не выпуская горшка из рук, он сел в паланкин. Люди, сложив ладони, низко ему поклонились. Вернувшись в храм, настоятель велел вырыть перед стеной глубокую яму и закопать в ней горшок со змеями и наложил на это место заклятие на вечные времена. Говорят, и сейчас еще есть Змеиный Холм — Хэби-га-Дзука. Что же касается дочери Сёдзи, то она заболела и умерла. А с Тоёо, говорят, ничего худого не случилось...

Давным-давно жил высоких добродетелей монах по имени Кайан. Был он от молодых ногтей чудесным образом просветлен в святом учении и всю свою жизнь странствовал по свету. Раз он провел лето в храме Рютай, что в провинции Ми-но, а на осень отправился в провинцию Оу. Шел он, шел и добрался до провинции Симоно. У деревни Томита его застиг вечер. Уже в сумерках он подошел к большому, богатому на вид дому, чтобы попроситься на ночлег, как вдруг его увидели крестьяне, возвращавшиеся с полей и в страшном испуге закричали: «Дьявол спустился с горы! На помощь! На помощь!» В доме тоже заволновались, женщины и дети застонали и заплакали и принялись прятаться кто куда.

Хозяин, выскочивший из дома с коромыслом в руках, увидел перед собой пожилого монаха лет пятидесяти, в черной истрепанной рясе и голубом колпаке, с котомкой за плечами. Монах поманил хозяина посохом и сказал: «Господин, что здесь происходит? Я всего лишь странствующий монах и хотел попросить ночлега под вашим кровом. Верно, вы ожидали какого-нибудь злодея, но мне ли, изможденному монаху, заниматься разбоем? Не бойтесь меня!» Хозяин отбросил коромысло, хлопнул в ладоши и засмеялся: «Ну что за глупый народ! Напугали моего гостя-монаха! Но я заглажу их вину, пригласив вас переночевать». Он почтительно провел Кайана в дом, достойно принял его и предложил обильный ужин.

И вот что рассказал хозяин. «Неспроста мы сочли вас за дьявола и так перепугались. У нас здесь случилась странная история, похожая на сказку о привидениях. Может быть, она покажется вам ложью, но вы все же расскажите ее и другим людям. На горе, что за нашей деревней, есть храм. В старину это был родовой храм Кояма, и настоятелями его неизменно были монахи высоких добродетелей. Вот и нынешний настоятель, приемный сын одной знатной особы, слыл большим знатоком в науках и в святом учении. При нем жители нашей провинции утвердились в вере и усердно посещали этот храм, принося благовонные свечи. И мое жилище он не раз навещал. Поистине был он безупречен, но с прошлой весны все переменялось. Его пригласили за море на церемонию посвящения монахов в высшие тайны веры. Пробыл он там сто дней, а вернувшись, привез с собой прислужника, мальчика лет двенадцати, и сделал его своим постельничим.

Этот мальчик был прекрасен наружностью. Настоятель крепко его полюбил и, забыв о своем многолетнем подвижничестве, стал пренебрегать служением вере. В апреле прошлого года мальчик захворал и слег. День ото дня здоровье его слабело. Настоятель был в отчаянии; он вызвал даже лекарей правителя провинции, но все было напрасно, — мальчик умер. Настоятель лишился зеницы ока, у него как будто вырвали сердце. У него не было слез, чтобы плакать, у него не было голоса, чтобы кричать. Горе его было слишком велико. Он не позволял предавать тело ни огню, ни земле и все сидел у трупа мальчика, прижавшись щекой к его щеке, держась руками за его руки. Шли дни, и вот разум его помутился: он стал ласкать мертвеца, словно живого, а когда тело начало разлагаться, в исступлении впился в него зубами и сожрал целиком, оставив лишь обглоданные кости.

Монахи решили, что настоятель обратился в дьявола, и в ужасе бежали из храма. С тех пор настоятель то и дело спускается по ночам в деревню и пугает жителей до полусмерти либо разрывает могилы и пожирает свежие трупы. Воистину, давно я слышал о дьяволах в сказках, а теперь вот пришлось увидеть дьявола во плоти. И мы ничего не можем с ним поделать. Только каждый вечер после захода солнца запираемся в домах и никуда не выходим. Теперь об этом известно по всей провинции, и никто не заглядывает к нам в деревню. Вот как случилось, что вы вызвали такое смятение».

Выслушав хозяина, Кайан сказал: «Странные дела случаются на свете. Вот рождается человек и так и кончает дни свои, не познав благости святого учения, погрязнув в тупости и упрямстве. Он уходит из этого мира, отягченный грехами любо- страстия и алчности, и либо вновь обретает свой прижизненный облик и предается разнузданной злобе, либо становится кровожадным демоном и преследует людей. Тому примеров не счесть с древних времен. Но были и случаи, когда человек обращался в дьявола еще при жизни. Так придворная чусского князя обратилась в змею, мать Ван Ханя обратилась в якшу ^[69], а жена У Шэна — в двуглавого дракона.

В старину некий монах заночевал в доме, о котором ходили дурные слухи. Ночью подул ветер, разразился сильный дождь. Монаху не дали светильника, и он лежал без сна в темноте. На душе у него было тяжело. В полночь он вдруг услышал блеяние, а немного спустя обнаружил, что кто-то его настойчиво обнюхивает. Заподозрив неладное, монах нащупал посох, лежавший у него в изголовье, и изо всех сил ударил. Послышался громкий крик, кто-то упал.

На крик прибежала старуха-хозяйка со светильником, и тут монах увидел рядом с собой распростертую на полу молодую женщину. Старуха с плачем стала умолять спасти эту женщину, но монах убежал из дома без оглядки. Прошло время, и ему снова пришлось проходить мимо этой деревни. В поле он увидел большую толпу людей, которые что-то разглядывали. Монах приблизился и спросил: „Что здесь случилось?“ И ему ответили: „Поймали женщину-оборотня, зарываем ее в землю“. Однако все это случалось с женщинами, и мне никогда еще не приходилось слышать, чтобы в дьявола заживо превращался мужчина. Все женщины злонравны от природы и потому обращаются в безобразных чудовищ. Правда, был у суйского императора Яна вассал, некто Ма Шу, который тайком похищал маленьких детей и лакомился их мясом, но это было с ним от дикой гнусности природы и к тому, о чем вы мне изволили рассказать, отношения не имеет.

Видно, много нагрешил этот монах в прежней жизни, раз он обратился в дьявола. И то обстоятельство, что раньше он неизменно шел по пути добродетели, объясняется, наверное, его усердием в служении Будде. И если бы не приблизил он к себе этого мальчика-прислужника, то остался бы до конца праведным монахом. Но он предпочел стезю любострастия, горение в огне нечистых желаний и потому обратился в дьявола. Все это, должно быть, из-за прямого и

твердого нрава. Сказано: „Дашь волю сердцу — станешь демоном, а смиришь сердце — приблизишься к Будде“, и случай с настоятелем подтверждает эти слова. В благодарность за вашу доброту, хозяин, я хотел бы попытаться вернуть этому монаху-дьяволу человеческий образ, вновь наставить его сердце на истинный путь». И душа Кайана исполнилась жажды подвига.

Хозяин поклонился, касаясь лбом циновки, и сказал со слезами радости: «Если вы это сделаете, мой господин, вся наша провинция обретет райский покой и умиротворение».

В деревне и в горах царил тишина, не было слышно ни храмовых труб, ни звона колоколов. Взошел ущербный месяц и озарил щели в ветхой двери. Хозяин заметил, что наступила глубокая ночь, пожелал гостю спокойно отдыхать и удалился в свою спальню.

...Храм на горе был безлюден, дорожка у ворот заросла густым бурьяном, полы внутри покрылись мохом. Статуи будд были оплетены паутиной, на алтаре высились кучи птичьего помета. Покои настоятеля и кельи монахов пребывали в страшном запустении. Когда солнце стало клониться к закату, Кайан вошел в храм и, стукнув посохом, крикнул: «Странствующий монах просит приюта всего на одну ночь!» Никто не отозвался. Он крикнул еще и еще раз, но ответа по-прежнему не было.

Наконец из спальни, еле волоча ноги, вышел тощий иссохший монах и проговорил хриплым голосом: «Как вы попали сюда? По некоторым причинам сей храм заброшен, люди в нем не живут, все пришло в запустение. Здесь не найдется ни зерна, чтобы приготовить трапезу, ни постели, чтобы отдохнуть с дороги. Ступайте отсюда в деревню». Кайан сказал: «Я иду из провинции Мино в Оу. Когда я шел вниз через деревню, чудесные виды этой горы и ее потоков увлекли меня, и я незаметно для себя самого оказался здесь. А сейчас уже заходит солнце, возвращаться в деревню далеко. Разрешите мне переночевать у вас».

Монах-хозяин ответил на это: «Скверные дела случаются с людьми в таких вот заброшенных, местах. Ну, как хотите. Я вас оставить не уговаривал, выгонять тоже не буду». Он замолчал и больше не сказал ни слова. Кайан не стал задавать вопросов и тоже молча уселся подле хозяина. Зашло солнце, надвинулись вечерние сумерки. Светильника не было, в темноте слышался только плеск горного ручья. Монах-хозяин ушел в спальню, и оттуда не доносилось ни звука.

Ночью взошла луна, жемчужный ее свет озарил все углы в храме. А когда наступила полночь, монах-хозяин вновь появился из спальни и принялся что-то нетерпеливо искать. Несколько раз он пробежал мимо Кайана, не замечая его, потом закричал громким голосом: «Да где же эта лысая образина? Ведь только что сидел здесь!» — и принялся искать снова. Он обегал весь храм, выскочил во двор и носился, пока не свалился в совершенном изнеможении.

Рассвело, утреннее солнце озарило землю, и монах очнулся словно после тяжелого опьянения. Увидев, что Кайан сидит на прежнем месте, он растерянно на него уставился, затем прислонился к столбу и так некоторое время сидел молча, тяжело вздыхая. Кайан, приблизившись к нему, сказал: «Что вас так печалит, настоятель? Если вы голодны, прошу вас, насытитесь моим мясом». Монах-хозяин спросил: «Вы провели здесь всю ночь?» — «Всю ночь, — ответил Кайан. — И ни разу глаз не сомкнул». Тогда монах-хозяин сказал: «Я — гнусный пожиратель человечины, но вкус мяса служителей Будды мне еще неведом. А вы, конечно, сам Будда. Но за что скотина-людоед удостоился лицезреть живого Будду? За что мне такая милость?» Он замолк и опустил голову.

Кайан ответил: «В деревне мне рассказали, как ты сначала отдался грязной похоти, а затем превратился в нечистого пожирателя трупов. Твое злодеяние беспримерно, и не знаешь, глядя на тебя, следует ли тебя жалеть или ужасаться делам твоим. Ты лишил покоя всю округу, спускаясь по ночам в деревню и преследуя людей. Дальше так продолжаться не может. Я хочу вновь

обратить тебя к святому учению, вернуть тебе прежнее сердце. Будешь ли ты внимать мне?» Монах-хозяин ответил: «Воистину ты сам Будда. Научи меня, как забыть мои гнусные преступления». — «Если так, — сказал Кайан, — следуй за мной». Он усадил монаха на плоскую плиту перед галереей храма, снял с себя и надел на его голову свой голубой колпак и прочел святое двустишие:

Сосны волнует ветер.
Над заливом сияет луна.
Для чего этот ясный вечер,
Прозрачная тишина?

«Сиди здесь, не сходя с места, и размышляй над смыслом этих стихов, — сказал Кайан. — Когда постигнешь их смысл, вновь обретешь прежнее сердце». И с этими словами Кайан покинул гору. С той поры жители округи избавились от беды. Но никто не знал, жив ли еще страшный настоятель, а подняться на гору и посмотреть не решались.

Быстро пролетел год; снова наступила зима; и в начале октября Кайан на обратном пути из Оу вновь проходил через деревню Томита. По дороге он зашел к хозяину, у которого останавливался на ночлег, и справился о настоятеле горного храма. Хозяин встретил его приветливо. «Благодаря вашей святости, — сказал он, — дьявол больше не сходит с горы, и все в округе обрели желанный покой. Но подняться на гору мы еще боимся. Никто там не был, и не знаем мы, что там происходит, однако я думаю, что настоятель еще жив. Прошу вас, нынче же ночью помолитесь о даровании ему спокойствия в ином мире. Ведь вашими молитвами любой грешник обретет близость к Будде». Кайан на это ответил: «Если за свои прежние добродетели он удостоился вечного покоя, я его ученик на стезе святости. А если он жив, я его наставник. Так или иначе, я должен проведать его». Он снова отправился на гору. При виде пустынной заброшенной дорожки он с трудом поверил, что поднимался по ней в прошлом году.

Кайан вышел к храму. Бурьян разросся выше человеческого роста, с него дождем сыпалась роса. В бурьяне не было видно даже тропинки. Двери молельни рассыпались, галерея вокруг покоев настоятеля и келий монахов отсырела от дождей и заросла мохом. Кайан отыскал место, где когда-то усадил настоятеля. Там он увидел человека, подобного тени, заросшего спутанными волосами так, что трудно было узнать в нем монаха. Травы обступили его со всех сторон, и из травы доносился тонкий, как комариный писк, голос. Прислушавшись, Кайан услышал:

Сосны волнует ветер.
Над заливом сияет луна.
Для чего этот ясный вечер,
Прозрачная тишина?

Долго слушал Кайан, а затем поднял свой посох и крикнул: «Ну что, прозрел теперь?» И обрушил посох на голову настоятеля. В тот же миг настоятель исчез, словно тонкий ледок под лучами солнца. Остались в траве только кости да голубой колпак. Видно, лишь теперь оставили его земные страсти. Вот какие святые дела случаются на свете.

Слава о высоких добродетелях Кайана распространилась по всей стране и стала известна за морями. Люди прославляли его и почитали в нем святого. Жители окрестных деревень

собрались, очистили храм, восстановили его и обратились к Кайану с просьбой поселиться в нем. И Кайан согласился. Говорят, этот храм процветает и по сей день.

Рассуждение о бедности и богатстве

Удзисато Гамо, правитель провинции Муцу, имел вассала по имени Санай Ока. Был Санай богат и знатен, славился воинской доблестью, и имя его было известно всему краю Канто. Была у него одна странность. Он стремился к обогащению больше, чем другие самураи. Высшей добродетелью он почитал бережливость, и потому дом его процветал и богател с каждым годом. В дни, свободные от бранных забот, он не смаковал вкус и аромат чая, но услаждал сердце лицезрением груды золота, которое рассыпал перед собой на полу. И это занятие было для него не менее приятным, чем для других людей любованье луной и цветами. Все удивлялись таким поступкам Саная, почитали его за скареда и сторонились его.

Раз Саная сказали, что один из его старых слуг бережно хранит золотую монету. Санай призвал к себе этого слугу и сказал: «В наше смутное время даже драгоценные камни с горы Куньпань все равно что черепица. Человеку, рожденному воином, хорошо иметь сейчас меч работы Токэй или Бокуё. И еще хорошо иметь золото. Но даже самым лучшим мечом не отбиться от тысячи врагов, а силой золота можно покорить весь мир. Воину ни в коем случае не следует забывать об этом. Воин должен постоянно копить золото. Ты имеешь большие для своего низкого звания деньги. Хвалю и не оставлю без награды». Так сказав, Санай подарил слуге десять золотых и разрешил ему ношение меча. Когда это стало известно, люди поняли, что Санай не из тех скряг, что копят из жадности. «Таких воинов мало по теперешним временам», — говорили все.

В ту ночь Санай проснулся, услышав, что кто-то приблизился к его изголовью. Открыв глаза, он увидел маленького старичка, который сидел под светильником и улыбался. Санай приподнялся и спокойно, без страха сказал: «Кто ты? Проситься ко мне на жалованье приходят здоровые и крепкие люди. Видно, ко мне пришел и нарушил мой сон лис или барсук, обернувшийся дряхлым старцем. Что ж, покажи, каким ты владеешь искусством. Развлеки меня, пока я не сплю».

Старик сказал: «Я не оборотень, но и не человек. Я — Дух золота, которое ты столь почитаешь. Ты много лет бережешь и лелеешь меня, мне это приятно, и вот я пришел к тебе на ночную беседу. Увидев, как ты сегодня вознаградил слугу, я решил насладиться разговором с тобой, для чего принял на время этот облик. Правда, выгоды от нашей беседы тебе не будет никакой, ты не вернешь ни одного золотого из десяти, подаренных слуге, но все же я решился нарушить твой покой, ибо невысказанное давит на сердце.

Будь богатым, но не предавайся излишествам — вот завет великих мудрецов. В мире говорят, что богатый непременно злобен, богатый обязательно глуп. Это дрянная поговорка, она относится только к таким хищникам и гадам, как лусский Ши-цзун и танский Ван Юань-бао. Кто был богат в древности? Люди, знавшие смену времен года и умевшие находить плодородные земли.

Богатство приходило к ним само собой. Когда Люй Вана сослали в Ци, он обучил там народ ремеслам, и к нему начали сбегаться на заработки даже жители побережья. Гуань Чжун-цзю помог своему господину объединить всех князей. Он превосходил богатством любого правителя, а ведь был он всего лишь вассалом. Фань Ли, Цзы Гун, Бай Гуй накопили путем торговли огромные богатства. Жизнь всех этих людей описана в «Хуа-чжи-чжуане» — «Летописи обогащения», и только недомыслием можно объяснить то обстоятельство, что впоследствии ученые наперебой описывали их как людей подлых и низких.

Не имеющий твердого состояния не имеет твердой души. Крестьянин должен в поте лица выращивать злаки, искусный ремесленник должен ему помогать, торговец должен знать их нужды, пускать в оборот свое имущество и умножать богатство своей семьи во славу предков и на счастье потомкам. Для чего же еще живет человек, как не для этого? Как говорит пословица: «С тысячью золотых на улице не умирают, богачу те же радости, что и князю». Поистине, чем глубже море, тем веселее резвится рыба, чем обширнее лес, тем вольнее бегают зверь, таковы законы неба. Говорят, что только бедняк живет безбедно. Это присловье и сбивает с толку людей, научившихся писать и сочиняющих стихи. Военные люди тоже постоянно забывают, что богатство — это основа государства; они лишь составляют хитроумные замыслы, уничтожают

имущество и губят людей, сходят с пути добродетели и сами пресекают свой род, и все потому, что презирают деньги и превыше всего ставят честь.

Если подумать, то вовсе не нужно иметь две души, чтобы стремиться и к чести и к богатству. Кого принято называть мудрецами? Людей, которые кое-как научились управляться с иероглифами, презрели силу золота, объявили себя чистыми и бездельничают, забросив мотыгу. Люди эти, может быть, и умны, да не умны их поступки. Золото есть величайшее из семи сокровищ. Скрытое под землей, оно дает начало чудодейственным источникам; оно свободно от всяческой нечистоты; оно таит в себе дивные звуки. Возможно ль, чтобы этот чистый и ясный металл стекался в руки только тупых и скаредных людей? Приятно мне излить в беседе с тобой возмущение, копившееся в сердце годами».

Заинтересованный Санай придвинулся к старику и сказал: «Ваши слова несколько не расходятся с моими мыслями о том, что идти по пути богатства достойно уважения. Но есть у меня одно глупое сомнение, и мне бы хотелось, чтобы вы рассеяли его. Вот вы сейчас говорили о том, как преступно презирать силу золота, не понимать величия богатства. А между тем есть резон и в упреках упомянутых вами книжных червей. Богатые люди в наше время, во всяком случае восемь десятых из них, действительно необычайно алчны и жестоки. Мы получаем огромные доходы со своих поместий, но и пальцем не шевелим, чтобы помочь нашим братьям, нашим родным, нашим слугам, что служили нашим домам из поколения в поколение. Мы стараемся округлить наши владения за счет разоренного соседа, уплатив ему ничтожную цену, зачастую против его воли. Сделавшись уважаемыми людьми, старостами деревень, мы отказываемся возвращать людям старые долги. Вежливого человека, уступившего нам место, мы начинаем презирать, а когда нас посещают старые друзья, мы не принимаем их из страха, что они могут попросить в долг. И есть люди, которые верой и правдой служат своему господину, почитают родителей, пользуются всеобщим уважением и всегда полны стремления помочь нуждающемуся. Но им почему-то приходится в зимние холода спать и бодрствовать в одной и той же одежде, в летнюю жару у них нет времени постирать единственную рубашку, а в самые урожайные годы они довольствуются в завтрак и ужин чашечкой рисовой кашицы. Таких людей не навещают друзья, их избегают родственники, никто с ними не знается, и некому им излить свои обиды. Вся жизнь их проходит в тяжких трудах. Может быть, они ленивы? Нет, они встают рано, ложатся поздно, выбиваются из сил, у них нет времени оглянуться по сторонам; и при всем том они не глупы, мысль их работает, но мало кому из них удастся преуспеть в жизни.

Они не имеют ничего общего с философами, которые прославляют чистоту бедности. Согласно учению Будды такая беспросветная жизнь посылается в наказание за проступки, совершенные в прошлой жизни, а конфуцианство объясняет все волей неба. Если вольные и невольные добрые дела в этой жизни действительно оказывают влияние на жизнь будущую, то люди очень скоро перестали бы быть злыми. Относительно причины богатства толкует только учение Будды, а конфуцианство отделяется туманными утверждениями. Вы, вероятно, приверженец учения Будды. А если это не так, то соблаговолите разъяснить мои сомнения».

Старик ответил: «Споры по поводу вопроса, который ты задал, ведутся издавна. Будда учит, что богатство и бедность есть награда или возмездие за прегрешения в прошлой жизни. Но ведь это учение о соотношениях причины и следствия! В прошлой жизни человек был справедлив, милосерден и относился к людям с сердечной добротой. В награду он в следующей жизни рождается в богатой семье. Тогда почему он теперь кичится своим богатством, стремится показать свою власть над всеми, словоблудствует, совершает гнусности? За какие грехи становится вязкой его душа, такая чистая и возвышенная в прошлой жизни?

Слышал я, что Будда гнушался богатства, поэтому вряд ли он занимается делами бедности и богатства. Разговоры о том, что богатство дается в награду за добрые дела, а бедность — в

возмездие за грехи, предназначены для глупых баб. Бедняк или богач, если человек всем сердцем отдается добрым делам, он и сам будет счастлив, и детям своим принесет счастье. Это в точности соответствует изречению: „Император Цзу принял гостя, и потомки его пожинали плоды“. Не может быть чистого сердца у человека, который делает добро в надежде на вознаграждение.

На мой взгляд, злые и жадные люди богатеют, живут долго и оканчивают жизнь свою в довольстве совсем по другой причине. Сейчас я тебе объясню. Я принял временно облик человека, чтобы побеседовать с тобой, но я не бог и не Будда. Нет у меня способности к переживаниям, и сердце у меня не такое, как у людей. В древности богатели люди, знавшие смену времен года и умевшие находить плодородные земли. Они обретали имущество и богатство. Трудились они в соответствии с законами неба, и золото собиралось у них в руках тоже в соответствии с законами неба.

Однако так же естественно собираются деньги и в руках у тех, кто любит деньги больше, чем родителей, кто пренебрегает ради денег едой и одеждой, не считает зазорным из-за денег жертвовать всем, не знает из-за них покоя ни днем, ни ночью. Повторяю, я не бог и не Будда, и переживать я не умею. Зло и добро для меня безразличны, и мне безразлично, совершают люди добрые или злые поступки. Награждать за добро, наказывать за зло — это дело неба, богов и Будды. Не мне вмешиваться в их дела. Только знай, что деньги скапливаются у тех, кто их любит и уважает. Ибо у денег хотя и есть душа, но она не такая, как у людей.

С другой стороны, если богатый, даже из самых лучших побуждений, будет безрассудно тратиться, раздавать милостыню и ссужать нечестным, он неминуемо в конце концов разорится, хотя бы он и был праведником. Такой человек быстро растратит свое богатство, потому что знает, как употреблять деньги, но не ведает их свойств и обращается с ними легкомысленно. А другой бережлив и скромн, добр к людям, но его всю жизнь мучают и притесняют. Значит, не было на него благословения небесного творца, и сколько бы он ни старался, богатым ему не быть. В древности мудрые говорили: «Старайся получить прибыль от трудов своих, а если не получается, то лучше не старайся». И они сами поступали так же, уходили из мира в леса и горы и преспокойно жили там до самой смерти. Впоследствии же их по ошибке стали считать бессребрениками и восхищались их душевной чистотой. Другими словами, богатство дается умелому. Умелый богатеет, а дурак теряет деньги легче, чем бьется черепица. Мы, деньги, не привязываемся к человеку, у нас не может быть любимого хозяина. Сейчас мы собираемся у одного, но он отнесся к нам легкомысленно, и мы тотчас же бежим к другому. Мы — как вода, стекающая в низины. Мы не знаем отдыха и кочуем из рук в руки днем и ночью. Мы не держимся у бездельника. Пусть у него будут горы денег — он их съест. Пусть моря золота — он их выпьет.

Еще раз говорю я тебе, благородному мужу не следует спорить, справедливо ли, что грешник владеет сокровищами. Если человек умело воспользуется случаем, будет бережливым и не перестанет трудиться, он приумножит свои богатства и заслужит уважение людей. Для нас, денег, безразлична прежняя жизнь, о которой говорит учение Будды, нас не касается конфуцианская воля неба, мы находимся вне человеческого добра и зла».

Санай с восхищением воскликнул: «Ваше рассуждение замечательно! Мои старые сомнения рассеялись как дым. Но разрешите задать еще один вопрос. Сейчас всюду утвердилась власть Тоётоми, ^[70] в краях и провинциях воцарилось спокойствие. Но живы еще вассалы разгромленных князей, они скрываются, затаились, они поступают на службу к другим князьям и в ожидании новых смут вынашивают коварные планы. И народ, истерзанный войнами, сменил мотыгу на копье и забросил крестьянский труд. В такое время воин не может спать спокойно. Вряд ли нынешнее положение может длиться до бесконечности. Кто же в конце концов

объединит и приведет к миру наш народ? И чью сторону вы примете?»

Старик ответил: «Все это дела людские, и мне о них знать не надо. Впрочем, могу показать тебе значение богатства. Сингэн был отличный полководец, но за всю свою жизнь сумел овладеть всего тремя провинциями. А ведь слава о его воинской доблести гремела по всей стране. Говорят, перед смертью он сказал: „Полководцу Нобунага ^[71] сопутствует счастье. Я всегда презирал его, не обращал на него внимания и был за это наказан. И мои дети тоже погибли от его меча“. Кэнсин был тоже храбрым полководцем. После смерти Сингэна никто в мире не мог с ним равняться. К несчастью, он рано умер. Выдавался боевыми качествами и Нобунага, но далеко ему было до таланта Сингэна и до храбрости Кэнсина. Зато у него были деньги, и на какое-то время вся страна была ему подвластна. А ведь, судя по тому, что его убили за издевательства собственные вассалы, не скажешь, что он был особенно просвещен в науках и военном деле. Что же до Тоётоми Хидэёси, то замыслы его велики, хотя появились они у него не так уж давно. Это видно из того, что он сочинил себе родовое имя Хасиба, взяв по одному иероглифу из имен Сибата и Тамба, которым завидовал за их знатность и богатство. Теперь-то, обернувшись драконом и взлетев в небо, он забыл, что сидел в болоте. Но хоть он и обернулся в дракона, природа его лягушачья. Говорят, что лягушка, обернувшись драконом, больше трех лет не живет. Верно, и Тоётоми продержится не дольше. Нигде и никогда еще не держалось долго правление расточителей. Впрочем, хотя бережливость и хранит человека, она может легко перейти в скупость. Поэтому следует хорошо различать, где кончается бережливость и начинается скупость. А Тоётоми властвовать уже недолго. Недалек день, когда умиротворенный народ запоет песни урожая. Об остальном же думайте сами». И старик прочел Санаю такие стихи:

В светлые дни императора Сяо

Народ возвратился к своим очагам. ^[72]

Едва старик прочитал последние слова, храмовый колокол вдали пробил пятую стражу. «Вот и рассвет, — сказал старик. — Теперь я расстанусь с тобой. Прости, что долгие рассуждения мои не давали тебе уснуть». Он встал и вдруг исчез, словно растаял.

Санай долго думал об этой ночной беседе. А когда он вспомнил строки: «Народ возвратился к своим очагам» и понял их смысл, сердце его наполнилось глубокой верой в будущее. Поистине придут счастливые дни.

Воспроизводится по изданию Уэда Акинари. Луна в тумане. М.: ГИХЛ, 1961. —Примеч. ред.

В.А. Жуковский. Эолова арфа. М.: Гослитиздат, 1954. С. 141.

«Гэндзи моногатари». — Написан придворной дамой Мурасаки Сикибу (978—1016) в первом десятилетии XI века.

Предисловие к «Вечерам на хуторе близ Диканьки». — Н. В. Г о г о л ь. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1994. С. 12–13. — Примеч. ред.

Условная форма авторского самоуничижения.

А. С. П у ш к и н. Сказка о Золотом петушке.

В. Г. Б е л и н с к и й. Сочинения. Т. III. С. 450.

Подлинное имя — Цугё Тэйсё; годы жизни неизвестны. См. переводы его новелл: Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. Д., 1927. С. 503–523; а также Литература Китая и Японии — Восток. М. 1935. № 1. С. 381–401.

Господин Ло — Ло Гуань-чжун (1330–1400), известный китайский романист, автор исторического романа-хроники «Троецарствие». Уэда приписывал ему и роман «Речные заводи», действительным автором которого являлся Ши Най-ань.

Госпожа Мурасаки — Мурасаки Сикибу (конец X— начало XI века), известная японская поэтесса и писательница, автор романа «Повесть о Гэндзи» — крупнейшего прозаического произведения классической литературы Японии так называемой Хэйанской эпохи (IX–XII вв.).

Год Земли и Крысы правления Майва — 1768 год по летосчислению, принятому в Японии до буржуазной революции Мэйдзи.

Дословный перевод: «Повести в лунную ночь после дождя».

Чудак Сэнси — Сэнси Кидзин, один из псевдонимов Уэда.

Третий год правления Ниньан — 1168 год.

Карма — один из догматов буддизма, согласно которому судьба человека является необратимым результатом его деяний в прошлых существованиях.

Здесь и далее (кроме особо оговариваемых случаев) стихи в переводе В. Н. Марковой. —
Примеч. ред.

Энъи — одно из монашеских имен Сайге. Сайге (1118–1190), в миру Сато Норикиё, известный поэт, участник феодальных междуусобиц. После поражения императора Тоба, на стороне которого он выступал, постригся в монахи и остаток жизни провел в странствиях по Японии.

Год правления Хэйдзи — 1159 год.

Годы правления Хогэн — 1156–1158 годы.

Год правления Эйдзи — 1141 год.

Чжоуская династия — династия в Древнем Китае (1027—249 гг. до н. э.). Была основана У-ваном, вождем племени чжоу, свергнувшим власть императоров династии Инь.

Конфуций — Кун-цзы (551–479 гг. до н. э.), древнекитайский философ, основатель получившего огромное распространение на Дальнем Востоке морально-этического учения (конфуцианства). Сакья-Муни — мифический основатель буддизма, религиозного учения, существенным элементом которого является проповедь полной пассивности в отношении всех явлений жизни

Хань — древнее название Китая.

Поднебесная — здесь Китай.

«Мэнцзы» («Философ Мэн») — четвертая книга конфуцианского четверокнижия. Автор Мэн Кэ (372–289 гг. до н. э.), китайский философ, последователь Конфуция. Занимался вопросами этики. Утверждал, что государь, который не заботится о благосостоянии народа, теряет права на престол и должен быть свергнут. Позднее Мэн Кэ стали называть Мэнцэи.

Богиня Аматэрасу — в японской мифологии богиня Солнца; считалась прародительницей японской императорской династии.

Шицзин / Пер. А. А. Штукина. М.: Гослитиздат, 1957. С. 178.

Махаяна — одно из двух направлений в буддизме.

Ямато — древнее название Японии.

Год правления Охо — 1161.

Год правления Тёкан — 1163.

Pu — мера длины, равная 3927 метрам.

Третий год Тисё — 1179 год (здесь автор допускает неточность: после мятежа Хэйдзи прошло не тринадцать, а одиннадцать лет).

Свершилось всё согласно предсказанию без единой ошибки. — Призрак императора рассказал Сайге о последнем этапе борьбы между Тайра, одним из сильнейших феодальных домов средневековой Японии, стоявшим у власти в XII веке, и мощным феодальным домом Минамото. К этому времени императоры уже не играли никакой политической роли и были лишь марионетками в руках фактических правителей — крупных феодалов. В 1185 году армия Тайра потерпела тяжелое поражение в морской битве в заливе Данноура, после чего власть в стране перешла к дому Минамото.

Самурай — представитель военно-феодалного сословия мелких дворян в средневековой Японии.

«*Биншу*» — классические военные трактаты Древнего Китая (два из них: «Сунь-цзы» и «У-цзы» — переведены на русский язык академиком Н. И. Конрадом).

Гуми — плодвое дерево в Японии.

Кудзу — кустарниковое растение, листья которого не опадают осенью, а сворачиваются в трубку.

Правление Кётоку — 1452–1455 годы.

Сёгун — военно-феодальный диктатор в средневековой Японии, фактический полновластный правитель государства.

Второй год правления Кансё — 1461 год.

Пятая стража — по старинному времясчислению — промежуток между тремя и пятью часами утра.

Прodelки лисы — Лисы и барсуки, согласно японским народным поверьям, считаются оборотнями и колдунами.

В поэтической антологии VIII века «Манъёсю» содержится легенда о прекрасной девице Тэкона, которая бросилась в море, чтобы примирить враждующих соперников. Жила она в том же селенье Мама, что и герои рассказа.

Сасими — японское кушанье из сырой, мелко настриганной рыбы.

Го — национальная японская игра, напоминающая шашки.

Сёдзи — раздвижные, оклеенные бумагой перегородки в японском доме.

Кобо-дайси (774–835) — буддийский монах, один из проповедников буддизма в Японии; считается создателем японской азбуки «кана».

Сутра Дхарани — одна из сутр Махаяны.

Три святыни буддийской секты Сингон: Будда, его учение, монахи.

Гора позади храма Мацуноо в Киото. Стихотворение написано поэтом Фудзивара-но Мицутоси.

Хайку — японский стихотворный жанр, лирическое стихотворение из трех строк размером в 5–7—5 слогов.

Это стихотворение жанра хокку сочинено самим Уэда Акинами.

Наоси — старинная придворная одежда высших сановников. *Эбоси* — старинный головной убор, высокая шапка без полей.

Уэда Акинари перевел на японский язык стихотворение Кобо-дайси, придав ему форму танка (пятистишия).

Хоккё — монашеский чин.

Зерна кунжута жгли во время молений согласно ритуалу буддийской секты Сингон.

Демон Асура — злой дух в древнеиндийской мифологии.

Кото — старинный музыкальный инструмент типа цитры.

Тё— мера длины, около 110 метров.

Дзабутон — подушка для сидения.

Мыс Мивагасаки.

Цукуси — старинное название острова Кюсю.

Токонома — стенная ниша с приподнятым полом в гостиной японского дома.

«...вот стежки на моей одежде, вот моя тень от солнца». — По японским народным поверьям, оборотень не отбрасывает тени и не имеет швов на одежде.

«Манъёсю» — антология старинной японской поэзии, один из первых письменных памятников Японии (VIII в.).

Бог Тоцу — один из богов синтоистского пантеона.

Сяку — мера длины, равная 30 сантиметрам.

Якиа — в индийской мифологии сказочное чудовище.

Тоётоми — Тоётоми Хидэёси (1536–1598), полководец и государственный деятель феодальной Японии, один из первых диктаторов в японском централизованном государстве.

Нобунага — Ода Нобунага (1534–1582), феодал и полководец; рядом победоносных войн за расширение своих владений положил начало созданию в Японии централизованного государства. После его гибели от руки одного из ближайших сподвижников власть в большей части страны перешла к Тоётоми Хидэёси.

Намек на Токугава Иэясу, «умиротворившего» Японию.